

Лайза Браун

Взаимное притяжение

Лайза Браун

Взаимное притяжение

Браун Л.

Взаимное притяжение / Л. Браун —

Спокойствие южного городка постоянно нарушает хулиган и соблазнитель Боб Уокер. Но он способен и на нежные, сильные чувства. Вот только разбудить их смогла та, что всегда казалась ему недоступной.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Лайза Браун

Взаимное притяжение

Глава 1

Дуракам закон не писан!

Так подумал знавший толк в законах судебный пристав Клэнси Грин, быстро проглядев список дел, вынесенных сегодня на беспристрастное рассмотрение судьи Роберта Сьюэлла. На самом видном месте красовалась хорошо известная Клэнси фамилия.

Она была, конечно, нельзя сказать, чтобы очень редкая, скорее даже наоборот, но ему было уже известно, что «Уокер» – это не кто иной, как Билли Боб собственной персоной.

Ой, что будет! Клэнси даже пот прошиб. Он почувствовал, как холодные струйки стекают вниз по костлявой спине и впитываются в ткань рубашки; новой рубашки, купленной на Уол-Март в Мартинсвилле всего неделю или две тому назад. «Что ж, и вспотеть нельзя, что ли?» – подумал он про себя. Просто сегодня очень жарко для мая, и, во-вторых, в здании суда кондиционеры не работают.

В душном, тесном зале суда по долгу службы томились Клэнси Грин и Виния Томпсон, стенографистка, а также восемнадцать истцов и ответчиков вместе со своими свидетелями и адвокатами. Отсутствовали только двое: судья и... Вильям Роберт Уокер!

Пот снова прошиб Клэнси, на этот раз еще более обильный, и он поспешил скорей уткнуться носом в проклятую бумагу, будто хотел загородиться ею от всего света.

– Ну, знаете, Клэнси Грин... – возмущенно проговорил чей-то голос прямо у него над ухом, так что он подпрыгнул от неожиданности.

Это Виния Томпсон, пока он был занят своими переживаниями, успела сесть на стул, специально предназначенный для стенографистки, и теперь с упреком смотрела на него.

Слишком поздно бедный Клэнси осознал, что слова, которые он бормотал про себя и которые ни в коем случае не должны были достигнуть ничьих ушей, и уж тем более слуха набожной особы женского пола, были произнесены излишне громко.

– Извините, Виния! – покраснел он. – Я вас не заметил, честное слово.

– Надеюсь, что так, – возмущенно сказала Виния. – Как вы можете так ругаться? Вы в церковь хоть когда-нибудь ходите?

Виния сидела с прямой спиной, подтянутая и чопорная, и с первого взгляда в ней можно было с уверенностью распознать старую деву.

Они были ровесниками – обоим стукнуло по пятьдесят два, но Виния, то есть девушка, сохранилась гораздо лучше. Она ни на йоту не изменилась с тех пор, как закончила брискинскую школу, и оставалась все такой же большеротой, худенькой и, между прочим, без единого седого волоска.

Припомнив тираду, которую он только что произнес, Клэнси признал про себя, что действительно... как бы это выразиться... ну, скажем... позволил себе некоторые вольности.

– Вы бы тоже не удержались... – стал оправдываться он. – Вот, посмотрите-ка!

– Выдержка – величайшая добродетель людская, ибо человек, лишенный самодисциплины... – Ох, ты!.. – этот возглас вырвался у Винии, когда Клэнси положил перед ней лист с фамилиями и ткнул пальцем в верхнюю строчку. – Что же делать?!

– Что тут вообще можно «делать»? Лично я не могу «сделать» ни чер... ничего!

– А... а судья знает?

– Откуда? Его две недели не было! Он только что приехал. А вот что с Билли Бобом?! Есть у него голова на плечах или нет? Вот почему он ничего не сделал – это одному дьяво...

то есть Богу известно. Он мог бы, если б захотел... – Клэнси запнулся, потому что сразу как-то не приходило в голову, что бы такое мог сделать Билли Боб Уокер.

В этот момент, преступно нарушив казенную тишину, в зал влетела большая нахальная муха, нагло воспользовавшись тем, что окна, по случаю жары и поломки кондиционеров, были распахнуты настежь.

Впрочем, всеобщее внимание тут же перенеслось на человека, величавой походкой вошедшего в зал через дверь комнаты для судей.

Его появление, как всегда, ни в коем случае не могло остаться незамеченным. Судья Роберт Сьюэлл был высоким, крупным мужчиной, строго соблюдающим во всем букву закона. Несмотря на жару, он был в широкой черной судейской мантии, в которую облачался всегда, когда шел в суд, даже если ему предстояло пробыть там не более минуты.

Те, кто недолюбливал его, говорили, что таким образом судья из снобизма и высокомерия подчеркивает свою принадлежность к кругу богатейших семей, которым по карману послать сына в юридическую школу в Оул-Мисс.

Дамы считали, что длинная черная мантия очень ему к лицу: подчеркивает высокий рост и оттеняет светлые волосы, которые кажутся в таком сочетании благородной сединой. Он был, бесспорно, очень красив; многие девушки из самых хороших семей засматривались на него. Роберт Сьюэлл выбрал себе в жены Лидию, родом из Билокси, подходящую ему во всех отношениях.

«Хороший судья», – таково было общее мнение жителей городка Суитуотер.

«Красивый, элегантный», – добавляли женщины.

«Напыщенный болван», – думал Клэнси Грин с неприязнью, отодвигая бумаги в сторону.

Судья, усевшись на свое место, досадливо поморщился.

– Мне думается, нужно включить кондиционеры, – сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь, но повернув голову в сторону судебного пристава.

Клэнси вскочил, сжимая роковую бумагу, судорожно сглотнул и со всем возможным смирением ответил:

– Тернер чинит кондиционеры, ваша честь. Видимо, что-то не в порядке.

Судья посмотрел на него.

– Мне думается, мы все ощущаем это.

В его голосе слышалось легкое раздражение. Он достал из внутреннего кармана очки в тонкой золотой оправе и водрузил их на нос. Очки придали ему еще более внушительный вид.

– Попросите Тернера поскорее закончить.

Вообще-то Клэнси очень не любил спорить с начальством, но сегодня он был готов на все, лишь бы оттянуть момент, когда судья увидит, какое дело предстоит ему разбирать в первую очередь.

– Да, сэр, хорошо, сэр. Только... вы знаете, в мэрии мне сказали, что налоговые поступления в местную казну несколько сократились... и что поскольку май в нынешнем году обещает быть очень теплым, погода будет стоять замечательная, то если держать окна открытыми – это было бы неплохо...

– Как вы сказали? – Судья Сьюэлл внимательно посмотрел на Клэнси.

– Сэр, я хочу сказать... Господь в милосердии своем даровал нам прекрасную погоду, и грех было бы ею не воспользоваться... Мы могли бы сэкономить электричество и...

Больше ничего не лезло в голову, Клэнси удрученно замолчал.

Большинство посетителей закончили свои разговоры еще при появлении судьи, а теперь притихли и все остальные, напряженно следя за странным диалогом между Сьюэллом и судебным приставом, обычно тихим и незаметным, а сегодня вдруг так расхрабравшимся. Удивленный Сьюэлл смотрел на Клэнси, как будто тот сошел с ума. Потом судья положил локти на стол и сцепил пальцы.

– Мистер Грин, – произнес он медовым голосом. – Когда я окажусь в здешней земле на глубине шести футов, у меня будет вечность, чтобы поближе сойтись с природою. С муками, жарой, пылью и прахом, и всякими творениями Господними. Но сейчас я не желаю терпеть неудобств, которые, как я знаю, в человеческих силах устранить! – Сьюэлл откинулся на спинку кресла, скрипнувшего под его тяжестью. – Вам ясно?

Клэнси кивнул. Жаль, что ему не подвернулся более удачный предлог для задержки заседания.

На мгновение повисла пауза, потому что толпе требовалось время, чтобы оценить глубину высказанной мысли; потом раздались легкий гул одобрения и смешки. Судья умел вызвать симпатию толпы и добиться ее поддержки. Ценное качество, которое может помочь Роберту Сьюэллу занять в недалеком будущем пост губернатора, особенно если он заручится поддержкой и деньгами Сэма Пеннингтона. И если какие-нибудь шалопаи, типа Вильяма Роберта Уокера, не вовлекут его в какой-нибудь шумный скандал.

– Где список дел на сегодня? – резко спросил судья, перебирая бумаги на своем столе. – Что идет первым пунктом, мистер Грин?

Клэнси в отчаянии посмотрел на Винию, но она наклонила голову к своей машинке, сделав вид, что ее это не касается. Он прокашлялся. Значит, помощи ждать неоткуда.

– Слушается дело: Бад Аллен и «Кантри Пэлис» против Вильяма Роберта Уокера.

Последние три слова Клэнси произнес невнятной скороговоркой.

В этот момент судья что-то записывал в свой блокнот и до него дошло не сразу. А когда дошло, его рука замерла.

– Как вы сказали? – сказал он внешне спокойно, но глаза за стеклами очков сделались ледяными.

– Бад Аллен и «Кантри Пэлис» против Вильяма Роберта Уокера, – ответил судебный пристав.

На этот раз его голос звучал твердо, потому, наверное, что он осознал неизбежность грядущего скандала.

В тесном, душном помещении суда повисла напряженная тишина.

– Кто... – краска медленно заливала лицо Сьюэлла. – Кто подсунул мне это дело?

Все словно воды в рот набрали. Никто не осмеливался даже пошевелиться.

– Кто адвокат Бада Аллена? – Вопрос судьи прозвучал оглушительно громко в напряженной тишине зала.

– Э-это я, ваша честь, – от дальней стены отделился Дж. К. Хайес и сделал несколько шагов вперед.

Дж. К. был не похож на самого себя. Обычно он напоминал горластого продавца подержанных машин, но в этот солнечный день он был неузнаваемо скромен.

Сьюэлл смотрел на него с нескрываемым отвращением.

– Это вы подсунули мне это дело?

Дж. К. съехался под грозным взглядом судьи.

– Простите, сэр, я не совсем понимаю, что вы имеете в виду...

– У меня нет претензий к вам, мистер Хайес, – резким голосом произнес он, – но не стройте из себя воплощенную невинность. Ваш клиент – частый гость в суде, поскольку занимается... известного рода бизнесом. Я достаточно осведомлен. Но зачем вы втянули сюда Уокера?.. Он ведь... Он ведь...

– «Он ведь» что? – послышался насмешливый голос. Собравшиеся в зале, как один человек, охнули, и глаза присутствующих устремились на вошедшего. Клэнси тоже посмотрел и тихо застонал.

Полностью загораживая дверной проем, в свободной позе, опершись о косяк, руки в карманах джинсов, стоял молодой человек в мятой шляпе набекрень.

С первого взгляда становилось ясно, что ему глубоко плевать на все на свете: и на суд вообще, и на это судебное дело в частности, и даже на самого судью Сьюэлла.

А судья Сьюэлл стремительно терял самообладание. Его ноздри раздувались, а губы сжались в тонкую полоску.

– Я совершенно незнаком с обстоятельствами этого дела, – сдерживаясь из последних сил, произнес он.

– Ваша честь! – быстро вступил адвокат. – Вы можете с ходу выслушать нас, и, я уверен, вынесете справедливый приговор. Мой клиент полностью доверяет вам. Что касается Билли Боба...

Он повернулся в сторону второго участника процесса, выражение лица которого было безмятежным, как у невинного младенца.

– Да ладно, чего уж там... Билли Боб тоже не возражает, – беззаботно сказал Уокер.

– Это... недостойный фарс, – с негодованием произнес судья и резко поднялся.

– Ваша честь! – заторопился Дж. К. – Если вы отказываетесь рассматривать дело, то должны выдвинуть соответствующие аргументы.

– Мне закон известен! – ледяным тоном ответил Сьюэлл.

– Я, например, не знаю обстоятельств, которые могли бы помешать мистеру Сьюэллу рассмотреть дело, – насмешливо произнес Уокер. – Но, может, у него все-таки есть какие-то особые причины?

Он явно намекал на что-то, бросал вызов судье, нарывался на скандал.

Вне себя от гнева Сьюэлл схватился за судейский молоток.

– Да как вы смеете?! – закричал он, но быстро взял себя в руки.

После непродолжительной паузы судья проговорил, почти не разжимая губ, но голосом, ясно слышимым в напряженной тишине зала:

– Да. Пожалуй, вы правы. Действительно, мистер Уокер, мне предоставляется редкая возможность воздать вам по заслугам. И вы, смею вас уверить, получите то, что заслужили, по крайней мере, своим вызывающим поведением.

– Ни минуты не сомневаюсь, – преувеличенно бодро и весело ответил Билли Боб.

Но от их скрещенных взглядов словно искры отлетали, как от дуэльных клинков.

– Хорошо, я согласен, – наконец произнес судья. – Стороны могут подготовиться к слушанию дела.

Адвокат Дж. К. и его клиент, весьма крепкий на вид молодой человек, одетый в ярко-зеленые слаксы и подобранную в тон рубашку, мгновенно сорвались с места и уже сидели за столом напротив судьи, когда другой участник дела только начинал свой долгий путь мимо заполненных людьми скамеек, по дороге приветствуя своих знакомых. Деревянный пол скрипел в такт его ленивым шагам, и казалось, даже этот скрип оскорблял всех присутствующих.

Вильям Роберт Уокер внушал всем благоговейный трепет. Он был ростом шесть футов три дюйма. А квадратные плечи Билли Боба – как его называло большинство горожан – даже несколько нарушали почти идеальные пропорции его тела. Джинсовая рубашка не могла скрыть этого небольшого недостатка. Длинные волосы спускались до плеч и выглядели вызывающе в судебном зале.

Но хуже всего была шляпа! Старая, мятая, как будто ею играли в футбол. Неужели нельзя было хоть раз изменить своим привычкам? Начиная с тринадцати лет он не носил других шляп, только такие, мягкие, быстро мнущиеся, со свисавшими вниз полями.

Некоторые утверждали, что он и спит в шляпе. А одна его старая подруга, Анджи из парикмахерской, как-то клялась, что он не снимает шляпу даже в самые интимные моменты.

– Вы ничего не забыли, мистер Уокер? – холодно спросил Сьюэлл, глядя на медленно приближающегося мужчину.

– А что? Вроде ничего, – прикинулся дурачком мистер Уокер.

– Когда вы обращаетесь к суду, извольте соблюдать общепринятые правила, – сказал Сьюэлл тоном, не предвещавшим ничего хорошего. – Используйте почаще слово «сэр».

– Хорошо, – без споров согласился Билли Боб, лениво цедя слова, – ... «сэр».

– Где ваш адвокат?

– Кто?

– Ваш защитник. Юрист.

– А-а-а, вы имеете в виду парня типа Дж. К.? – спокойно уточнил Билли Боб. – Увы, Бад успел к нему первым, так что я обойдусь без адвоката.

– Значит, вы будете защищать себя сам. Ну что ж, тогда вам некого будет винить... – сказал Сьюэлл, и что-то похожее на удовлетворение промелькнуло в его голосе. – Мистер Грин, приведите стороны к присяге.

Оглашение обстоятельств дела не заняло много времени и не добавило ничего нового. Драка из-за женщины – это было естественное, по мнению большинства, состояние Билли Боба, необходимое ему так же, как сон или еда.

Адвокат начал сразу с существа дела.

– Ваша честь, мой клиент готов доказать суду, что Билли Боб начал драку в его клубе, «Кантри Пэлис», и...

– ... В «клубе»? – прервал адвоката судья с ноткой презрения в голосе. – Вы имеете в виду ту самую грязную развалюху на окраине города, из которой вечно разносятся дикие вопли?

– Почему это... – запротестовал Бад, привставая, но Дж. К. быстро усадил его на место.

– Да-да, именно ту самую, ваша честь, – согласно покивал адвокат. – Во всяком случае, Билли Боб нанес ущерб, если сказать точно... – Дж. К. заглянул в записную книжку, – две тысячи четыреста тридцать один доллар шестьдесят четыре цента. Мой клиент требует возместить ему эту сумму и плюс еще пятьсот долларов за телесное повреждение, то есть перелом двух пальцев во время драки. Билли Боб наступил моему подзащитному на руку.

В зале засмеялись, а Той отделился от стены и сказал:

– Все это вранье, ваша честь. Он сам напросился. Боб просто отбил у него девчонку, которую тот хотел затащить в постель, вот и все! А ему обидно стало. Что, разве не так, Бад?

Смех стал громче, Виния густо покраснела, Бад – тоже, хотя у него и без того было румяное лицо.

– Ну, знаешь, Той, – рассердился Бад. – Ты... Заткнись, понял?

Судья Сьюэлл с размаху стукнул молоточком по столу и закричал, перекрывая гул голосов:

– Все! На сегодня хватит! Больше я не потерплю!

Когда волнение полностью улеглось, он сказал более спокойным тоном:

– Той Бейкер, вы можете покинуть зал суда, я вас не задерживаю.

– Но, сэр, это один из свидетелей Бада, – вмешался Дж. К.

– Хорошо, тогда пусть остается, – согласился судья. – Пусть ни у кого не останется сомнений, что я выполнил свой долг и довел это дурацкое дело до конца, каких бы усилий мне это ни стоило.

– «Дурацкое»? – удивленно посмотрел подзащитный на адвоката, который опять предостерегающе толкнул его локтем в бок.

– Ничего, Бад! Не вздумай возражать!

Той получил возможность высказаться, и для восхищенного описания драки он не пожалел ярких красок и сильных выражений.

Бад вертелся во все стороны, по ходу повествования показывая синяки и демонстрируя руку в гипсе.

Дж. К. представил суду медицинскую справку и справку об ущербе.

На протяжении всей сцены судья сохранял на лице каменное выражение.

– Ну что ж, мистер Уокер, – сказал он, когда одна из сторон процесса исчерпала свои аргументы. – Теперь послушаем вас. Вы, наверное, докажете свою невиновность за пару минут. Иначе, зачем вам отказываться от адвоката?

Билли Боб поднялся во весь свой немалый рост. Сьюэлл грозно наставил на него молоток, словно пистолет.

– Снимите шляпу.

Билли подчинился, тряхнув копной светлых волос.

– Да я, собственно говоря, ничего не хочу доказывать, – миролюбиво произнес он.

После такого заявления повисла новая пауза.

– Не соблаговолите ли вы тогда объяснить суду, зачем вы пришли на заседание? – с явной угрозой в голосе спросил Сьюэлл.

– Да понимаете, мне просто хотелось поближе познакомиться с вами, – серьезно ответил Билли.

Публика раскрыла рты; лицо судьи исказилось от бешенства.

– Ну что ж, если вам нечего сказать...

– Ах да, – Билли вышел из-за стола; держа в руках свою шляпу. – Да, забыл сказать, что я не наступал Бадю на пальцы. Я просто ударил его, а он свалился на руку и сломал пальцы. И еще: драку затеял не я, а он, когда его девчонка сказала, что предпочитает меня.

– Врешь, гад! – неожиданно взорвался Бад. – Ты ей проходу не давал, а ведь я тебя предупреждал, что если ты еще хоть раз начнешь приставать к моим девочкам...

– Молчать! – рассвирепел судья.

Бад тут же затих и сел на место, невнятно бормоча что-то себе под нос.

– Никто – слышите меня?! – никто еще не осмеливался разыгрывать здесь комедию, превращать судебное заседание в ярмарочный балаган! – в бешенстве проговорил судья. – И я не желаю больше вникать в подробности этого дела.

Светло-голубые глаза судьи снова встретились с синими глазами стоявшего перед ним молодого человека.

– Сколько вам лет, мистер Уокер?

Билли Боб вскинул подбородок, но на лице у него впервые за все время появились признаки удивления и беспокойства.

– Да вы же знаете, – помолчав, сказал он.

– Если бы я знал, то не спрашивал бы, верно? Итак, сколько вам лет?

– Двадцать семь.

– Всего лишь? А я думал вам уже больше ста, – деланно удивился судья. – Вы совершили столько неподобающих приличному человеку поступков, что этого с лихвой хватило бы на четырех молодых людей вашего возраста.

– Весьма польщен, – коротко поклонился Билли Боб.

– Сколько драк вы почтили своим участием? Попробуйте припомнить, начиная хотя бы с вашего шестнадцатилетия, – со злорадством продолжал допрос судья.

– Всего не упомянешь.

– Конечно. Я так и полагал. Но ваша репутация известна в суде. Вы стали знаменитым в среде моих коллег-судей. Ваше имя постоянно на слуху во Дворце правосудия.

Билли Боб пожал плечами.

– Ну что ж, мне доставляет большое удовольствие, что вы следите за моими успехами... ваша честь.

– За вами следит полиция, молодой человек, а не я. – Сьюэлл покраснел. – И вам, как мне кажется, очень это нравится. Вы купаетесь в своей скандальной славе. И еще больше распоясываетесь! Вам уже тесно в рамках закона!

Билли Боб тоже покраснел, но голос его звучал спокойно и ровно.

– Вы ничего обо мне не знаете, – возразил он. – И не вам, судья, говорить мне о приличиях...

– Замолчите! И не раскрывайте рта, пока я вам не разрешу, иначе будет плохо!.. Я объявляю свое решение. Вы заплатите истцу то, что он требует, до последнего цента, плюс судебные издержки.

Билли Боб стоял прямой, как столб, стиснув зубы.

– И это... все? – раздельно произнося слова, спросил он после некоторого молчания.

Каждое слово наглеца звучало как пощечина судье.

– Нет, не все. Я приговариваю вас к пятнадцати суткам заключения в городской тюрьме за нарушение общественного спокойствия и драку в общественном месте.

– Ваша честь, – привстав, запротестовал адвокат Бада, – мы не требовали заключения Билли Боба в тюрьму.

– Сядьте, Дж. К. Я рассмотрел дело и вынес свой приговор. Чего вы еще хотите?

– Однако это... – начал Билли Боб, но с видимым усилием заставил себя замолчать. Краска заливала теперь не только его щеки, но и шею.

– Вы хотите еще что-то сказать? – торжествовал Сьюэлл. Он тоже поднялся и оказался теперь выше Билли Боба на целую голову, поскольку кресло судьи располагалось на некотором возвышении. Теперь уже судья бросал вызов Билли. Тот, нервно сглотнув, не отвел, тем не менее, взгляда.

– Нет, – выдавил, наконец, Билли Боб, нервно теребя поля своей шляпы. – Действительно... чего от вас еще ждать?

Судья Роберт Сьюэлл, в конце концов, потерял самообладание. Он сказал хрипло, цедя слова:

– Что вы сказали?

И Билли Боб нанес завершающий удар.

– Я знал, что в вас нет милосердия, судья. Мама мне не раз об этом говорила. Вы должны помнить ее, правда? Ее зовут Эллен Уокер.

– Еще пятнадцать суток, – прохрипел судья, побледнев как смерть. – Пятнадцать суток или штраф пятьсот долларов – за неуважение к суду. И если вы скажете еще хоть одно слово, я вас сгною в тюрьме!

После секундного замешательства Билли нахлобучил свою шляпу на голову и засунул подрагивающие руки в карманы джинсов.

– Да... сэр.

Противники подошли вплотную друг к другу и застыли, как две статуи, и никто теперь не смог бы оспорить явное сходство их черт. Одинаковые прямые носы, волевые подбородки, твердая линия рта.

Оказавшись за дверями зала суда, гудевшего, как потревоженный улей, Бад растерянно сказал адвокату:

– Ну и дела! Я, конечно, зол на Билли, но зачем его в тюрьму-то сажать, черт возьми? Это все ты меня подбил;

– Мы не виноваты – Билли Боб сам напрашивался, разве не видел? Он запросто мог попасть к другому судье, стоило ему одно только слово сказать. Он сам захотел именно к Сьюэллу. Внимания его, видите ли, возжелал. Ну и получил. По заслугам. – Дж. К. не верил в угрызения совести; это шло вразрез с его профессией. Он поправил галстук и снисходительно потрепал клиента по плечу. – Да ладно тебе, Бад. Хватай деньги и беги, пока не отобрали. Но сначала расплатись со мной. А потом забудь все это как страшный сон. То, что произошло, тебя совершенно не касается. Это их семейное дело.

Глава 2

Солнце светило все также ярко, когда на восточной стороне площади, у знака с надписью «стоп», приостановился блестящий темно-вишневый «Порше». Автомобиль резко стартовал с места, как будто одним махом хотел проскочить через весь город, но тут же с визгом затормозил и свернул на узкую улочку, на противоположных сторонах которой расположились аптека Бойда и банк.

Трое пожилых мужчин следили за лихачом, который был вынужден снизить скорость из-за недостатка пространства для маневра. Нечасто случаются такие происшествия, скрашивающие долгие часы посиделок на скамейке около суда.

– Сорвиголова, а не девчонка, – заметил Коттон Джонс.

Он сидел и широким острым ножом строгал толстую ветку орешника, постепенно превращая ее в гору стружки. К концу дня гора обещала полностью скрыть из виду его грубые рабочие ботинки.

Один из мужчин, высокий, с небольшим брюшком, судя по форме и значку, местный служитель закона, со злобой взглянул на Джонса.

– Хороша девка! Разве нет? – небрежно продолжил Коттон и своим красивым ножом с костяной ручкой легко снял тонкую и длинную-предлинную – во всю длину палки – стружку. – Вся в отца, – добавил он. – Откуда что взялось, спрашивается? Всегда она была тихая, как мышка.

– Ты, видно, ничего не знаешь про нее? – лениво осведомился его сосед, сидящий с банкой кока-колы в руке. – Моя внучка Мария, – продолжил любитель газировки, – которая тут работает... – Он кивнул в сторону дома с белыми колоннами, на кирпичном фасаде которого красовались балкон в новоорлеанском стиле и вывеска с массивными позолоченными буквами: «Народный банк Суитуотера». – Ну, так она рассказала, Сэм, что Пеннингтон отправил дочь служить простым кассиром в маленьком филиале – в Довере, кажется – и держит там, пока не решит, что с нее довольно.

Собеседники подождали, не добавит ли чего-нибудь блюститель закона. Но тот промолчал.

– Зачем он ее посылал в тот колледж? – сказал Коттон, обращаясь ко второму старику, которого звали Джексон. – Курам на смех! Обязательно в Теннесси надо учиться, а от Миссисипи они нос, видите ли, воротят. Да... ничего он для нее не жалел: ни машины, ни платьев, а хорошую работу не дал. Почему? Может, она сама не захотела?

– Отстал бы он лучше от нее, вот что! – Шериф, наконец, не выдержал и высказался со всей определенностью. Шерифа звали Томми Фарли. Он знал, что говорил, потому что приходился троюродным дядей той, что сидела за рулем вишневого «Порше».

– А что ему от нее нужно сейчас? – не отрывая глаз от ветки, спросил Коттон.

– То же, что и всегда.

Томми отвернулся от банка и стал смотреть на четырехэтажный Дворец правосудия, очень похожий на огромного неподвижного Будду, усевшегося прямо в самом центре городка посреди деревьев. Пришла весна. Зеленела трава, по краям дорожек распустились пестрые цветы, недавно посаженные чьей-то заботливой рукой. Цветы росли и в тени старой магнолии, под которой и стояла облюбованная троицей скамейка со спинкой, сделанная неизвестно кем в незапамятные времена.

– Силоу уже достаточно взрослая, чтобы не обращаться с ней как с ребенком. Ей уже двадцать один. Нет, подожди... или двадцать два? – нарочито равнодушно сказал Томми.

– Она не успеет повзрослеть, если будет продолжать в том же духе, – внушительно сказал Коттон. – Она разобьется молодой, если не перестанет гонять с такой скоростью. Неужто ей мозги вправить некому?

– Это ты на кого намекаешь? На меня, что ли? – уточнил Томми.

– Ты же у нас законник. И родственник. Тебе и карты в руки. Не станет же он ссориться с троюродным братом, – рассудительно ответил Коттон. – К тому же ты ему ни в чем не отказываешь, это всем известно. Может, и он не откажет тебе раз в жизни.

– Не доводи меня, Коттон. Что ты хочешь сказать? Что я боюсь Сэма? – Томми фыркнул, хотя в его тоне не было уверенности.

– Я должен признаться, – кротко сказал Джексон, – что я-то боюсь Сэма.

Коттон вернулся к прежней теме:

– Я просто хотел спросить: с чем он пристал к ней на этот раз? Что он задумал?

– Ничего. – Томми загадочно ухмыльнулся. Почему он должен демонстрировать всему свету свое неведение?

Он надел темные очки.

– Ладно, у меня полно дел. Пойду в тюрьму, посмотрю, что там на обед. Билли Бобу осталось еще почти три недели, а он уже, по-моему, совершенно извелся. За ним нужен глаз да глаз. Пока, ребята.

Узкая улочка, отделявшая банк от аптеки, вела на маленькую площадь с большой автомобильной стоянкой, предназначенной только для служащих банка, о чем напоминал большой красно-белый щит со строгой надписью. Вишневый «Порше» попытался приткнуться где-нибудь между другими машинами, заполнившими стоянку, но не нашел ни малейшей щели.

Сначала «Порше» нацелился, было на относительно свободное пространство рядом с длинным белоснежным «Кадиллаком», около которого красовалась табличка: «Внимание! Этот участок – частная собственность президента банка Сэма Пеннингтона».

Но в последний момент автомобиль изменил намерение и, сделав немыслимый разворот, втиснулся на единственное остававшееся, на общей стоянке место.

Силоу Пеннингтон не сразу вышла из автомобиля. Она посидела немного, яростно сжимая руль и стараясь успокоить бурю, бушевавшую у нее в душе. Ее отец, Сэм Пеннингтон, президент банка, вызвал свою дочь якобы из-за неверного оформления документов.

Это все из-за Майкла! Этот подлиза уже успел добраться до отца и пожаловаться ему. Надо было опередить его, а не прятаться в своей комнате, избегая столкновения. И что? Рассказать все Сэму? Даже если бы она собралась с духом, он бы все равно не поверил.

Он думает, что свет клином сошелся на Майкле.

И вот чаша ее терпения переполнилась. Сегодня она скажет отцу правду, понравится это ему или нет.

Чтобы успокоиться, она провела рукой по темно-синей юбке, но материя закончилась почему-то гораздо раньше, чем она ожидала. Тут она вспомнила, что сегодня специально надела юбку покороче. Это был вызов. Терзаясь бессонницей, она догадалась, что Майкл пожалуется отцу, а тот вызовет ее к себе немедленно. Да, она была рада, что надела эту юбку. Одного этого достаточно, чтобы взбесить Сэма.

Ну, может быть, слишком уж коротко. Силоу посмотрела на свое отражение в изогнутой полированной поверхности автомобиля и досадливо поморщилась, убедившись, насколько открыты взгляду ее ноги. Ей стало не по себе.

Да и вырез на ее коротком, до талии, белом жакете чересчур глубокий. А крупные квадратные серьги в ушах слишком блестящие. Сэму есть на что полюбоваться, это выведет его из себя не меньше, чем на полчаса. Даже про Майкла, наверное, забудет.

«Ну, девочка, размечталась! – сказала она себе, невесело усмехнувшись. – Как же, забудет он...» И она вошла в банк, как в клетку со львом.

Мэри Уотсон работала у Сэма Пеннингтона личным секретарем; миновать ее было невозможно, потому что она сидела за большим столом прямо у входа на этаж.

Еще три женщины сидели рядом с ней за столами поменьше. Это были так называемые «девочки» Мэри, хотя одна из них, например, была уже бабушкой – и по возрасту, и по солидному виду. «Бабушка» первая увидела Силоу и улыбнулась ей, как улыбалась всегда, когда та появлялась в банке.

Наконец Мэри подняла глаза и целую минуту глядела на Силоу с деланным сочувствием.

– Ну, как там, в Довере? – спросила она с улыбкой.

– Прекрасно. Мне очень нравится, и я надеюсь, что через час-полтора снова окажусь там, – пробормотала Силоу.

Впрочем, что тут притворяться, подумала она с горечью, всем уже наверняка хорошо известно, что ее вызвали сюда не за наградой.

Мэри посмотрела на свой телефон, весь в кнопках и разноцветных огоньках.

– Он сейчас говорит по телефону, – сказала она. – Но вы можете войти.

«Дозволили увидеть короля и выслушать приговор», – подумала Силоу, направляясь к массивным дверям отцовского кабинета.

Стараясь не обращать внимания на мужчину, сидевшего за столом с трубкой телефона у правого уха, она стала сосредоточенно рассматривать давно знакомую обстановку. На полу лежал серебристый ковер. Стены с голубовато-серыми обоями. На окнах висели тяжелые шторы брусничного цвета. Дневной свет, проходя сквозь них, окрашивал в теплые тона три портрета, висевших на дальней стене. На первом портрете был изображен давно умерший брат Сэма по имени Дэвид. В середине красовался сам хозяин кабинета. А на третьем портрете была рыжеволосая девочка с огромными карими глазами на маленьком серьезном личике. Ей было всего семь лет, когда с нее писали портрет. Сэм, наверное, предпочел бы, чтобы она осталась такой же маленькой, тихой и послушной.

Он специально заставлял ее ждать. Закончив говорить по телефону, отец принялся за какие-то бумаги, и теперь тишину нарушал только скрип его пера. Ну, уж нет, она не позволит ему запугать себя еще до начала разговора.

Она решительно прошагала через всю комнату к высокому узкому окну, выходящему на автомобильную стоянку. Рядом со стоянкой виднелась городская тюрьма, фасад которой выходил на другую улицу.

У Силоу вырвался короткий смешок. Это же надо было додуматься – построить банк по соседству с тюрьмой, чтобы заключенные, отбывая наказание, могли, глядя на него, обдумывать планы дерзкого ограбления.

Глядя на забетонированную площадку для парковки, она подумала о том, что автостоянка очень похожа на ее жизнь: здесь также все размечено белыми полосами, пересекать которые нельзя под страхом сурового наказания. Запреты в течение долгого времени не тяготили ее, она не замечала их до той поры, пока не вернулась домой после учебы в университете. И даже не тогда. Впервые она ощутила их, когда Майкл заговорил о свадьбе.

– Так.

Одно-единственное короткое слово без всякого смысла и содержания, брошенное вскользь, заставило ее быстро обернуться. Тонкие черты под шапкой густых седых волос, благородный облик. Ее отец – властный, вспыльчивый, не терпящий возражений человек, который прошел трудный путь от простого рабочего на консервной фабрике до всемогущего магната, держащего в руках жизнь целого округа.

– Мне казалось, я просил тебя позвонить перед тем, как выехать из Довера. Я бы тогда знал, когда тебя ожидать, – сказал он, наконец.

– Мистер Парсонс сказал, что я могу отправляться сию же секунду, что я и сделала. – Она пожала плечами. – Не вижу смысла – зачем мне было звонить?

– Мы не виделись сегодня утром, – сказал он, рассматривая ее с головы до ног. – И очень жаль! Я бы объяснил тебе, что твоя одежда, может быть, вполне годится для фотомодели на обложке модного журнала, но здесь, в банке маленького городка, ты выглядишь непристойно.

– Это модно.

– Где? Наверное, на каких-нибудь развратных курортах? В Калифорнии?

– Я покупала одежду в Мемфисе.

Он вдруг встал, прямой, в элегантном сером костюме, хорошо гармонизировавшим с холодной обстановкой кабинета.

– Это ты занималась Ледбеттерами? – внезапно спросил Сэм, потянувшись рукой к небольшой стопке бумаг, лежавших у него на столе.

– Ледбеттер? Ты имеешь в виду Ноаха с фабрики?.. Да, я. – Тогда, может, ты объяснишь мне, что происходит?

Сэм перебрал стопку документов, отложив в сторону несколько лежавших сверху листов в поисках нужной бумаги. Потом протянул найденный бланк дочери. Силоу подошла поближе, растерянно глядя на спокойное лицо отца, взяла бумагу и посмотрела на место, которое указал Сэм.

– Видишь дату? Ледбеттер должен был расписаться здесь еще два месяца назад. Как всегда, каждый год, в марте. Ему это хорошо известно.

– Мне тоже, – холодно ответила Силоу. – Но он попросил меня посмотреть, может ли он получить новую ссуду.

– Ну и?..

– Оказалось, что я ничем помочь ему не могу.

– Ты сказала ему об этом?

– Да. Еще в прошлом месяце.

– Это значит – по крайней мере – четыре недели. – Сэм задумчиво подпер щеку двумя пальцами. – Четыре недели прошло с того момента, как он должен был возобновить договор. И два месяца, как он должен был выплатить ежегодные проценты по ссуде.

– Ну и что? Он их все равно, в конце концов, заплатит.

– Конечно, заплатит. Еще бы ему не заплатить. Но дело не в этом... – Сэм придавил стопку бумаг на столе указательным пальцем. – Дело в том, что Ледбеттер имеет право думать, что надул нас. Он игнорировал официальный документ банка – вот этот договор – и обвел вокруг пальца служащего банка – мою собственную дочь, чтобы получить два месяца отсрочки. Он уже выделял такой финт, понимаешь? Правда, не со мной, а с начальником ссудного отдела. Бывшим начальником.

– Что я, дурочка, что ли? – недовольно поморщилась Силоу. – Я все понимаю. Две недели назад я звонила ему и предупредила, чтобы он пришел и подписал договор. Он обещал зайти до конца текущего месяца. У меня есть на него управа: например, я могу остановить выплаты по его счетам. Но мне бы не хотелось. Подпись под договором – это ведь так, простая формальность. Ты же сам знаешь.

Сэм стал аккуратно складывать бумага в одну стопку.

– Я когда-то работал у них на фабрике, – сказал он, наконец, глядя, дочери прямо в глаза. – Это скряги, каких свет не видывал. Если бы я не ушел оттуда, я бы надорвался. Но я сумел уйти. Он, наверное, чуть не умер от злости, когда впервые вынужден был послать Ноаха за ссудой. Я не отказал. Тогда я спас их.

– Я уже это слышала, папа, – сказала Силоу и положила договор сверху на ровную стопку бумаг.

Он засунул руки в карманы брюк, полы пиджака разошлись, изящные линии костюма исказились. Видимо, он уже начинал терять терпение, иначе не позволил бы себе выйти за рамки придуманного образа преуспевающего банкира и светского человека.

– И ты, наверное, также знаешь, что Ледбеттеры возмущаются, что я будто бы взял их за горло, так? А я играю честно! И пусть они тоже играют по правилам, нравится им это или нет. Теперь я сильнее их. И пусть они все время помнят об этом. Бизнес у них процветает, Силоу, и не надо давать им поблажек. Ты сегодня же позвонишь и потребуешь немедленно подписать договор, а также заплатить проценты в двадцать четыре часа, а иначе...

– Иначе что?

Он вынул руки из карманов и холодно отрезал:

– Ты скажешь, что Сэм Пеннингтон возьмется за них... Послушай, Силоу, ты – моя дочь, и я очень хотел бы, чтобы ты хоть чуточку была похожа на меня.

Они долго стояли, сверля друг друга взглядами. Силоу первой нарушила молчание.

– Мне жаль, что ты не можешь силой превратить меня в свою копию, – сказала она чуть дрожащим голосом. – Может быть, тогда бы я вышла замуж за Майкла Сьюэлла. Да-да, брось притворяться, ведь не из-за Ледбеттеров ты меня вызвал, я знаю!

– Ну что ж, прекрасно, поговорим о деле. Какого черта ты расстроила помолвку за два месяца до свадьбы?!

– Он тут же побежал к тебе жаловаться, да? Надеется, что папочка побранит непослушную дочь и все будет в порядке?

– Что с тобой случилось? Он же нравился тебе! И ты сама согласилась на помолвку! Я тоже к нему прекрасно отношусь.

– К нему?! Или к его семейству? Он – Сьюэлл, этим для тебя все сказано! Тебе неважно, кто он и какой он!

– Мне Сьюэллы не нужны. Я стараюсь для тебя. Мне хочется, чтобы ты была не просто дочерью бывшего рабочего, а...

– Не надо, – резко перебила его Силоу, – перестань! Они помолчали, стараясь успокоиться. Силоу снова начала первой.

– Сейчас не средние века, папа. Ты не Можешь заставить меня выйти за него замуж.

– Не понимаю, что тебе надо... Черт возьми, это же блестящая партия! Он красив, он из хорошей семьи, его ожидает большое будущее!

– Я его не люблю, – устало сказала Силоу, подойдя к окну, чтобы раздвинуть тяжелые шторы.

– Но почему ты до сих пор молчала?

– Я думала, что смогу полюбить его. И я старалась... Очень старалась... Ради тебя.

Она говорила все тише и тише. Последние слова были произнесены почти шепотом. Но отец услышал их.

– Ради меня! – повторил он недоверчиво. – С каких это пор ты стала стараться ради меня?! Ты уже в семь лет назло мне била тарелки! Помнишь, когда я не разрешил тебе оставить у себя какого-то паршивого щенка, подобранного тобой на улице? А потом? Может, ты ради меня путалась с Билли Бобом Уокером? Помнишь, тем летом, когда тебе исполнилось восемнадцать?

Она молчала, глядя в окно. Краска залила ее лицо. Сэм глубоко вздохнул и продолжил более спокойным тоном:

– Я тебе желаю только добра. И не позволю тебе разрушать свою жизнь под влиянием минутного каприза или из чувства противоречия. Майкл любит тебя. Сегодня утром он позвонил мне и сказал, что ты вернула ему кольцо. Он вне себя от горя.

– Швырнула, а не вернула, – поправила Силоу. – А он объяснил тебе причину?

– Как я понял, в этом есть и моя вина, – смущенно признался Сэм. – Я тебя слишком торопил, и вчера ты была в невменяемом состоянии.

Силоу коротко рассмеялась.

– Как все просто! Я невменяема, ты виноват... Папа! Прошу тебя! Обещай, что согласишься мне! Тогда я расскажу тебе, что случилось на самом деле.

Сэм с минуту размышлял, исподлобья глядя на дочь.

– Ты будешь убеждать меня в том, что Майкл Сьюэлл, человек, которого я знаю с пеленок, сын достойнейших родителей, – лжец?

– Все, папа... Нам больше не о чем говорить. Спасибо, я поняла, яснее не скажешь.

– Черт возьми, Силоу!..

– Я ни за что не выйду за него замуж, – со спокойной решимостью произнесла она.

– Если в тебе осталась хоть капля разума, ты сама признаешь, что нельзя устраивать свадьбу за два месяца до церемонии! Это просто невозможно! И я хочу...

Его перебил звук зуммера. Сэм подошел к столу и раздраженно нажал кнопку.

– Да! В чем дело?

– Извините, сэр. Скоро полдень. Вам пора в Тьюпело на встречу с мистером Гриффином и его партнерами, – сказала секретарша извиняющимся тоном.

– Да. Спасибо за напоминание. – Он выпрямился и посмотрел на часы. – Договорим после. Я вернусь к ужину. Лора сказала, что ты тоже собиралась поужинать дома, там и поговорим. Разговор не окончен, слышишь?

Последнюю фразу он говорил, уже стоя в дверях. Силоу попыталась задержать отца:

– Папа!

Он остановился и удивленно обернулся.

– Я не выйду за него. Я твердо решила и не передумаю ни за что. Разговаривать бесполезно.

Это было сказано очень решительным тоном и, что весьма немаловажно, при свидетелях.

Сэм сурово посмотрел на Мэри, делавшую вид, что она ничего не видела и не слышала.

– И все-таки мы поговорим. К ужину оденься поприличнее. Я не хочу больше видеть тебя в таком виде – думаю, ты это поняла.

Сэм вошел в кабину лифта, и двери бесшумно закрылись. Все молчали. Силоу постояла минуту, глядя в одну точку, потом повернулась к свидетелям семейной сцены. Боясь расплакаться на глазах у сотрудников отцовского банка, она поправила на плече ремень сумочки и бросилась к лестнице – ждать лифта не было сил.

Спустившись на один пролет, она остановилась, тяжело дыша, борясь с подступающими слезами.

Как бы она хотела послушно выполнить волю отца! Она почти никогда не перечила ему. Но на этот раз ее не переубедить. Она абсолютно уверена, что не будет счастлива с Майклом. Как ей доказать это отцу? Это ее жизнь, когда же он свыкнется с этим и даст ей возможность решать все самой?

Как бы то ни было, она сумела сказать «нет». Она не могла поступить иначе, потому что смертельно ненавидит Майкла.

Ненависть вдруг вспыхнула в ней, и в этом огне сгорело чувство вины перед отцом. Она с силой толкнула дверь и выбежала на стоянку.

Силоу зашвырнула сумочку в открытую дверцу, нагнулась и уже готова была нырнуть внутрь своего «Порше», как вдруг раздался лихой разбойничий посвист, который заставил ее застыть на месте.

– Да-а-а-а, должен тебе признаться, что ничего лучше я не видел с тех пор, как оказался в этих стенах.

Солнце светило ей в глаза, и она приставила руку козырьком ко лбу, чтобы получше рассмотреть человека, которого узнала с самого первого слова, с нарочитой протяжностью произнесенного хорошо ей знакомым хрипловатым голосом.

Билли Боб Уокер глядел на нее сквозь тюремную решетку. После ее возвращения из колледжа они виделись всего несколько раз, случайно сталкиваясь на улице, и она сознательно держалась от него подальше. Она хорошо усвоила урок, однажды преподанный ей этим человеком.

Не будите спящих собак! Но эта спящая собака, видимо, уже проснулась.

– Эй! Ты что? Язык проглотила? Неужто и вправду проглотила? Вот жалость! Я-то знаю для него применение получше... В то лето я не успел тебя научить...

Силоу густо покраснела и обернулась.

– Перестань! – крикнула она и отметила про себя, что, несмотря на развязный тон, лицо у него невеселое.

– Ага, язык у тебя, значит, в порядке, это хорошо, – сказал он, слегка улыбнувшись. – Значит, можем немного поболтать. Или ты с арестантами не разговариваешь?

– Я всегда знала, что ты плохо кончишь, Билли Боб, – сказала Силоу.

Он закатил глаза.

– Что я слышу? Неужели мисс Силоу Пеннингтон помнит мое имя?!

– Отстань, – Силоу уже занесла ногу в открытую дверцу автомобиля, но он снова остановил ее, резко повысив голос:

– Эй! Знаешь, как я рад! А то я уже решил, что превратился в человека-невидимку или что-нибудь в этом роде. Когда мы встречаемся, ты глядишь сквозь меня и не замечаешь, будто я умер, но сам этого еще не знаю.

– Можешь успокоиться, ты жив и даже ни капельки не изменился. И, как всегда, вляпался в историю. Какую на этот раз?

– А ты разве не знаешь? Как так? Все в городе знают, а ты – нет?

– Я была занята.

– Ага, понимаю. Конечно, вдвоем с сынком судьи? – сказал он упавшим голосом, в котором послышались презрение и горечь. Это напомнило Силоу о том, о чем она старалась забыть – о ненависти Билли Боба к Майклу. Наверное, чувства отразились у нее на лице, потому что он тут же засмеялся.

– Вы будете прекрасной парочкой. Маменькин сынок и папенькина дочка.

– А ты, наверное, никогда не повзрослеешь, – сказала она с обидой.

– Ну почему же? У меня просто замедленное развитие. Я, например все, еще верю в сказку, в то, что, может быть, когда-нибудь ко мне прилетит ангел с большими карими глазами.

Силоу покраснела еще больше.

– Да, ты действительно медленно соображаешь. Ты до сих пор так и не понял, что никакой ангел не выдержит с тобой и дня.

Он задумчиво покачал головой.

– Не знаю. Ты вовсе не ангел – мы оба это знаем, хотя и хороша собой ангельски. К тому же, помнится, было, время, когда ты без труда меня выдерживала.

Краска теперь заливала не только лицо, но и шею Силоу.

– Что я тогда понимала? Мне было восемнадцать лет!

– А сейчас, значит, ты уже набралась опыта, да? – Он демонстративно оглядел ее с головы до ног, и сам ответил на свой вопрос: – О да, мэм, вижу, что вполне.

– Да, – возмутилась Силоу, – я настолько поумнела, что больше не хочу с тобой разговаривать.

– За что ты так злишься на меня? Я же не бросал тебя.

– Ты и других не бросаешь! Ты и сейчас свистишь, наверное, всем проходящим девушкам...

Она села, наконец, за руль.

– Кстати, ты плохо выглядишь, – ерничал Билли Боб. – Маменькин сынок совсем замучил тебя, да?

– Да заткнись ты, трепло! – процедила она сквозь зубы. Ответ, конечно, был не ахти какой, но лучшего в голову не пришло. Перед тем как закрыть за собой дверцу, она услышала напутственные слова Билли Боба.

– Эй, мисс Пеннингтон! Носите всегда такие же короткие юбки. У вас ослепительные ножки;

Силоу со злостью громко хлопнула дверцей и вставила ключ в замок зажигания. Мотор взревел, машина поехала, и через минуту хохотавший Билли Боб остался далеко позади.

Глава 3

Вот и поговорили. Ну и ну! А он-то все эти годы готовился к этой встрече!

Билли Боб горько посмеялся над собой. Да, славно побеседовали, ничего не скажешь. Ну что ж, ему посчастливилось пообщаться с недостижимой мисс Пеннингтон, уже одно это – большая удача. Он ее несколько раз чувствительно поддел, она пробовала огрызаться, но это получалось у нее довольно жалко.

Ей не о чем беспокоиться, все его чувства – мертвы. Единственное, что осталось – это злорадство по поводу ее неловкости и смущения да еще бешенство, которое охватывало его всякий раз, когда он представлял их вдвоем с ненавистным Майклом, его родным братцем по отцу.

Отойдя от окна, он сел на койку и закрыл лицо руками. Но Роберт Сьюэлл все равно стоял перед глазами, его образ преследовал Билли Боба с того самого дня, когда он, шестилетний крепыш, пошел в начальную школу, и там одноклассник впервые назвал его «ублюдком», повторив услышанное от взрослых. Билли Боб заревел, убежал домой, к маме, и попросил объяснить ему смысл этого слова, но мама ничего не сказала, потому что сама заплакала.

Когда же она попыталась растолковать обидное прозвище, яснее от этого не стало, но, глядя на ее смущение и дедушкин гнев, он понял, по крайней мере, почему у него нет папы, как у других детей.

Он жил в маленькой деревушке в пятнадцати милях от Суитуотера, в двадцати трех милях от Лаврового Холма, родового поместья Сьюэллов. Судья полностью отрицал свой недолгий роман со скромной деревенской девушкой Элен Уокер и свою причастность к появлению на свет Билли Боба. Досада судьбы все возрастала: с каждым днем Билли становился все больше и больше похож на Роберта Сьюэлла и на его законного сына, Майкла. Для Билли стало сущим мучением смотреться в зеркало. Но еще мучительнее было ему встречаться с Майклом. Одного сына отец хранил как зеницу ока, а второго избегал как прокаженного.

И вот, значит, они с Силоу соединились. Ну и пусть! Какое ему до всего этого дело? Он уже не любит ее. Даже больше того: он ее ненавидит! Но никакие уговоры не помогали. Как только он увидел их вместе на газетной фотографии в колонке местной хроники светской жизни, он потерял покой.

А может, и голову тоже. Может, он и в суде оказался из-за этого.

Билли Боб с тоской оглядел стены, заслонившие ему белый свет. Он попал в передрагу, но винить, кроме себя, было некого.

Мощенная камнем дорога вела к огромному дому с земельным участком в три акра, усаженным могучими дубами и высокими ореховыми деревьями, такими старыми, что местами они уже начинали сгибаться под собственной тяжестью. А между деревьями, там, куда не доставала их густая тень, были разбиты клумбы с розами и рос заботливо обрезанный кизил, каждую весну цветущий ярко-розовым цветом.

Дом не был похож на старинные, с белыми колоннами, особняки, характерные для архитектуры Юга; Сэм Пеннингтон то ли с вызовом хотел подчеркнуть свое простонародное происхождение, то ли боялся насмешек со стороны соседей-аристократов.

Так или иначе, но дом у него получился хороший, приятный на вид, какой-то легкий, воздушный, радовавший взгляд сливочным оттенком. С каждого торца здания была построена широкая терраса с навесом, поддерживавшимся изящной аркой.

Со стороны дороги дом укрывали от чужих взглядов широколистные магнолии и колючий боярышник, весь в ожидании щедрого южного лета.

Силоу услышала голос Лоры, как только вышла из машины.

– Силоу! Это ты? – вскрикнула Лора Кершоу, увидев девушку, ступившую на первую из двух широких пологих ступенек лестницы, ведущей на террасу.

– Да, взяла отгул, – ответила Силоу.

Лоре было пятьдесят лет, но издали ее можно было принять за сорокалетнюю благодаря миниатюрной стройной фигуре. Если же посмотреть на нее вблизи, то морщины, грусть в глазах и седина на висках выдавали возраст.

Она часто бывала резка и безапелляционна, но за этим крылось совершенно особое отношение, трепетное и жертвенное, к тем, кого она любила. Таких было немного: муж, давно умерший; брат, тот самый Томми Фарли, а также ее двоюродный брат и работодатель, Сэм Пеннингтон – она вела у него домашнее хозяйство – ну и, конечно, без всякого сомнения, самое любимое ее существо – это Силоу. Она овдовела еще до рождения Силоу и жила в маленьком кирпичном доме, в сотне ярдов от основного здания.

– Как это «взяла отгул»? – не поверила Лора. – Что случилось?

– Может быть, я просто устала? – сказала Силоу без лишних эмоций, открывая дверь в кухню, составлявшую гордость и радость Лоры. Девушке очень хотелось пить, и она прямоком направилась к огромному холодильнику.

Лора неотступно, как тень, следовала за ней.

– От чего устала? От работы?

– От своего отца, – ответила Силоу.

Ледяная вода успокаивала; слезы, душившие ее с момента окончания разговора с Сэмом, отступали.

– Это, конечно, никак не связано с Майклом Сьюэллом, правда? – спросила Лора, и глаза ее сузились.

– Откуда ты... О чем ты говоришь? – быстро поправилась Силоу.

– Что-то здесь не так, я чувствую. Сначала Майкл как сумасшедший звонит из Мемфиса каждый день в течение двух недель, а ты не подходишь к телефону. А вчера я возвращалась поздно вечером... – Лора немного засмушалась и покраснела, – ... ну, короче, вчера я видела машину Майкла, отъезжающую от дома. А сегодня я нашла твою блузку. Разорванную на куски. Я чуть в обморок не упала!

Силоу замерла, прижимая пустой стакан к груди, а лицо ее сделалось мертвенно-бледным. Лора подошла вплотную.

– Что произошло?

– Понимаешь, Сэм твердо решил выдать меня замуж за Майкла. Я считала, что он... немного нравится мне... Но... я... не могла... А вчера вечером он... хотел...

– Взять тебя силой? Да? – допытывалась Лора, беря из побелевших пальцев Силоу стакан. – Смотри-ка, чуть не раздавила, а он такой красивый.

Ее спокойный голос и прозаическое замечание оказали на Силоу благотворное влияние: она несколько успокоилась и смогла говорить более связно.

– Он много знает о женщинах, и куда бы мы ни приходили, он оказывается в центре внимания. Он нравится женщинам... Но мне это было не важно. Я думала... он любит меня... Но... Лора!.. – Силоу скользнула на сиденье старого кресла-качалки, стоявшего около большого камина. – Он – плохой человек. Слабый и... Я в этом убедилась. Он всегда находит себе оправдание. Виноваты всегда другие. А сам пьет и... пьет... Не на работе, конечно, а когда со мной... Это меня давно настораживало.

– Он был пьян, когда порвал тебе блузку? – не отставала Лора.

– Немного. А может, и... много. Точно не знаю... – Силоу передернуло. – И он хотел... – ее всю затрясло. – Мне трудно говорить об этом, тем более что Сэм все равно не поверит мне. И никто не поверит!

– Я верю, – тихо сказала Лора.

– Он хотел изнасиловать меня...

Казалось, страшное слово осталось висеть в воздухе посреди кухни.

– Ты должна все рассказать Сэму, – выдавила из себя, наконец, Лора после нескольких бесконечных минут напряженной тишины.

– Он все равно не поверит. Никто не поверит. Я ведь об этом только и думаю! Майкл не может оказаться насильником. Тут все вспомнят про Кэролайн. Сэм скажет – какова мать, такова и дочь. Ты ведь помнишь Кэролайн? – Силоу говорила все тише и тише, опустив голову. – Ей все было мало мужчин.

Лора подошла и положила руку на плечо Силоу. Девушка вздрогнула. Она всегда старалась не выдать своих чувств, но сейчас была на грани истерики.

– Тебе необходимо отдохнуть, девочка, – это все, что могла предложить Лора. – Прими горячую ванну, вздремни. Вечером поговоришь с отцом. Я приготовлю его любимые куриные грудки в соусе.

Силоу даже не улыбнулась. Ей стало досадно, что Лора говорит с ней, как с ребенком, забывая, что она уже не маленькая девочка, а взрослая двадцатидвухлетняя девушка. Как будто какая-то там ванна сможет успокоить ее!

Не сказав ни слова, Силоу вышла из кухни. Она так устала, что едва держалась на ногах.

Дубовая лестница вела прямо в ее спальню, где лежал светлый ковер, и стояла широкая кровать вишневого дерева с пологом и со множеством розовых и темно-зеленых подушек и подушечек. Силоу бросилась на кровать.

Сквозь распахнутую дверь, ведущую на балкон, доносились мирные звуки: щебет птиц, голос садовника, что-то напевающего себе под нос.

Здесь, казалось, не было места горю и несчастью, но стоило ей побыть минуту наедине с собой, как снова воспоминания обступили ее со всех сторон...

– Ну что ты, Силоу? Разреши мне войти, – тихо попросил Майкл, глядя на нее сквозь щель приоткрытой двери. – Что произошло?

– Я не хочу с тобой разговаривать. Я уже все сказала. Мне нечего добавить, – твердо сказала она.

– Ну, хорошо, тебе нечего добавить. Но, может быть, мне есть что сказать? – сердито повысил он голос и вдруг ударил плечом в дверь.

Удар был настолько стремительным и неожиданным, что она не успела среагировать и отлетела на несколько шагов назад, чуть не упав при этом.

Так он проник в комнату и закрыл за собой дверь, не сводя с нее лихорадочно блестящего взгляда.

С минуту они стояли, глядя, друг другу в глаза.

– Какое ты имеешь право врываться силой ко мне в дом? – первой нарушила молчание Силоу.

– Как какое право? – усмехнулся Майкл. – Да что с тобой? Ведь последние четыре года я входил сюда и выходил когда хотел!

Он стоял, прислонившись к двери, в дорогом джемпере и льняных слаксах, такой спокойный, уверенный в своем праве, что Силоу стало неловко от своего глупого вопроса.

И смущение вытеснило страх от неожиданного вторжения.

– Ну, хорошо, – пробормотала она и повернулась к нему спиной, – можешь войти и сказать что хочешь. Только заранее предупреждаю, что это ничего не изменит.

Она не слышала за спиной его шагов ни по паркетному полу, ни по ковру в гостиной. Но только она села на диван около камина, где уже не горело веселое пламя, как Майкл уже стоял напротив и смотрел на нее.

Его странное спокойствие должно было бы насторожить ее.

– Что это значит? – отрывисто спросил Майкл, бросив ей маленькую квадратную коробочку. – Позавчера я получил это по почте. И сразу поехал сюда.

Силоу взяла коробочку с колен и переложила ее на диван.

– Мне казалось, все ясно. Это обручальное кольцо. Я пыталась вернуть его тебе две недели назад. В конце концов, отослала по почте.

Он спрятал руки в карманы, как будто борясь с искушением задушить ее.

– Ты хочешь сказать, что не можешь простить мне того вечера в клубе? – спросил Майкл.

– Трудно поверить? Но, тем не менее – да, не могу.

– Почему? Почему вдруг все развалилось? – в гневе спросил Майкл, не сводя с нее взгляда.

– Я не люблю тебя; мне не нравится, как ты относишься к людям, мне не нравится, как ты используешь свою внешность и деньги, чтобы заставлять всех делать то, что ты хочешь; мне не нравится, что ты относишься ко мне, как к своей собственности, и – главное, – тут она вздохнула и посмотрела ему в глаза, – мне не нравится, что ты напиваешься и теряешь контроль над собой.

– Я – напиваюсь?! – усмехнулся Майкл. – О чем ты говоришь?!

– Не делай вид, что не знаешь, – ее голос чуть дрожал, потому что она инстинктивно чувствовала, что ступает на опасную дорожку. – Ты так напился, что мне пришлось вести твою машину. Помнишь, как мы добрались? Твоих родителей не было дома. Я вызвала такси по вашему телефону, пока ты лежал в своей машине. На следующий день ты даже не поинтересовался, как я вернулась к себе!

Он, не отрываясь, смотрел на нее, лицо его наливалось кровью.

– Это все, Майкл, – твердо заявила она. – Ты нуждаешься в помощи, сам скажи об этом своим родителям. Когда будешь уходить, не забудь забрать это.

Она взяла коробочку с кольцом, встала и шагнула к нему, протягивая руку.

Майкл долго смотрел на коробочку, и она почти пожалела его. Богач и красавец, Майкл не привык получать отказы. Его обожали родители, ему завидовали все мужчины города. Ему нелегко смириться с поражением.

– Возьми, – более мягким тоном сказала она, снова протягивая кольцо. – Мне очень жаль.

Он медленно протянул вперед правую руку и вдруг схватил ее за запястье и больно сжал.

– Морочила мне голову столько лет и считаешь, что я дам тебе спокойно уйти? – прошипел он ей прямо в лицо. – Мне, по-твоему, помощь нужна, да? А тебе не нужна?

– Майкл, ты что?..

Не обращая внимания на ее вскрик, он схватил ее за локти и завел ей обе руки за спину, так что она изогнулась назад. Ее лицо почти касалось лица Майкла. В нос ей ударил запах виски.

– Силоу, я люблю тебя! Мы помолвлены! Ты выйдешь за меня замуж! Я тебя заставлю! Или Сэм! Ты ведь еще не говорила с отцом, правда?

Он стиснул ее еще сильнее, она коротко вскрикнула.

– Так я и знал! На самом деле ты хочешь выйти за меня, но капризничаешь, – он бросил слова прямо ей в лицо, крепче сжимал ее руки и тело, так что голова у нее начинала кружиться. – Наш брак слишком важен для Сэма... и для моего отца... для всех! Ты не сможешь помешать ему!

– Нет... нет... никогда, – пыталась вырваться она. – Отпусти, Майкл!

– Сколько раз я умолял тебя отдаться мне? Но ты говорила, нет, и я великодушно уходил, так? Сколько раз? Я спрашиваю тебя, сколько раз, Силоу? – Он сильно встряхнул ее.

– Я... я не знаю, – простонала она, наконец. – Не надо, пожалуйста, мне больно...

– Все, хватит! Мое терпение лопнуло!

Он замолчал, и она увидела огонь в его глазах. Не отпуская ее рук, он принудил ее стать на колени. Ее сердце остановилось. И время будто бы остановилось.

Она спит, ей снится кошмар. Вокруг темнота, в ушах стоит ровный шум. Но постепенно сознание прояснилось, она поняла: Майкл хочет ее изнасиловать!

– Нет... Майкл... Господи... Не надо... Майкл!.. Я не хочу!..

– Хочешь! Иначе ты вела бы себя по-другому. Ты провоцируешь меня, – сказал он и толкнул ее на ковер, а сам навалился сверху.

Силоу не могла дышать из-за тяжести его тела и запаха виски, она принялась быстро, конвульсивно двигаться, пытаясь сбросить его с себя, но безрезультатно.

Вдруг в ней проснулась ярость.

– Я убью тебя! – оскалив зубы, прорычала она. – Или Сэм тебя убьет!

Майкл с минуту наблюдал за ее отчаянными попытками освободиться.

– Нет, не убьет. Тебе никто не поверит. Ведь мы же помолвлены! Полгорода думает, что мы уже давно этим занимаемся. Вот и давай займемся.

Он стал целовать ее, а когда она попыталась отвернуться, налег на нее всем телом, придавив ей руки, которые все еще удерживал за ее спиной. Ей стало больно, она вскрикнула и затихла.

– Так-то лучше, – одобрил он и стал ласкать своим языком ее губы.

Ее сейчас вырвет, с отвращением подумала она, чувствуя в животе спазмы, но потом, собравшись с силами, укусила его и тут же почувствовала вкус крови.

Майкл отпрянул, как будто обжегся, облизывая кровь, появившуюся на губе.

– Ах ты сволочь! – выругался он. Они смотрели друг на друга, тяжело дыша. – Понятно. Ты хочешь, чтобы все было как по-настоящему. Ну что ж, я тебе это устрою.

Майкл отпустил ее руку, придавленную тяжестью обоих тел, и быстро рванул ворот блузки.

Силоу вскрикнула. Он стал жадно рассматривать ее, как будто впервые в жизни видел женское тело, потом медленно-медленно дотронулся до горла и стал, чуть касаясь кожи, вести рукой по шее и дальше, до груди, забираясь пальцами под шелковый кружевной лифчик.

– Чудесно! А теперь расслабься. Это недолго. И ты сама поймешь, что любишь меня. Это все, что мне нужно, – прошептал он.

Затем быстрым, резким движением он полностью сорвал с нее блузку, только одни рукава остались, но они ему не мешали.

Ее зубы стучали от страха; похоже, он действительно не шутит. Что ей делать?!

– Не надо, Майкл. Мне больно! Я возненавижу тебя! Да, я возненавижу тебя, разве ты не понимаешь?

– Ты полюбишь меня, – хрипло шептал Майкл. – И больше не будет разговоров о том, чтобы разорвать помолвку.

Он хрипло выдохнул и припал к ней губами, прямо над левой грудью. Его зубы вдруг сомкнулись, и он крепко прикусил ей кожу. Его охватило возбуждение.

Ее тело как будто заоченело и онемело, она едва ощутила боль укуса. Но тут Майкл приподнялся и стал расстегивать брючный ремень. Ее рука освободилась, а мозг стал лихорадочно соображать.

И память подсказала нужный способ поведения, когда-то виденный ею по телевизору; кто-то, кажется Фил Донахью, давал советы жертвам насилия. Она вспомнила и стала действовать. Во-первых, изо всей силы ударила его кулаком по адамову яблоку.

Майкл вскрикнул от неожиданности и схватился за горло. Тогда она, растопырив два пальца, ткнула ему прямо в глаза. Он откинулся назад, а страх придал ей сил выбраться из-под него. Но это было еще не все. Когда он, шатаясь, поднялся, она подождала удобного момента и,

размахнувшись, изо всех сил ударила его в пах. Он издал сдавленный крик, согнулся и рухнул носом вперед.

Она бросила ему коробочку с кольцом и, чувствуя себя победительницей, крикнула:
– Забирай это и уматывай! – И выбежала из дома.

Вечерний холодный воздух обжег разгоряченную кожу, и она вспомнила, что одета неподобающим образом. Она побежала в гараж. Там стоял ее любимый «Порше». Силоу залезла в него и заблокировала двери. Тут с ней случилась истерика: она билась головой о сиденье, рыдала, тряслась, кусала губы.

Его машина стояла перед домом. Она не знала, сколько прошло времени, прежде чем послышался удалявшийся гул мотора.

Тогда она вернулась в дом и налила себе горячую ванну.

Когда Силоу проснулась, солнце уже пряталось за верхушки высоких сосен в дальнем конце двора, и легкий ветерок из открытой балконной двери охлаждал ее обнаженные руки.

Она пыталась прогнать страх, охватывающий ее всякий раз, как ей снилась сцена борьбы с Майклом. Долго ли этот кошмар будет преследовать ее?

Лора права: надо все рассказать отцу. Не каменное же у него сердце. Она – его дочь. Она сумеет убедить его. Она поговорит с ним вечером, за ужином.

Когда Силоу после душа уселась перед зеркалом, то не смогла найти на своем лице ни страха, ни гнева. Она выглядела как всегда: та же гладкая кожа, слегка тронутая загаром, большие карие глаза, высокие скулы, несколько вздернутый нос, широкий рот и пышные рыжеватые волосы, доходившие почти до плеч.

Ничего, что могло бы пробудить страстную любовь или отвратительную похоть.

Говорят, что она очень похожа на Кэролайн. Да, все так говорят, весь Суитуотер. А Кэролайн в молодости была первой красавицей города. Она ушла из дому, когда Силоу было, пять лет.

Силоу знала о своей матери достаточно, чтобы не хотеть быть на нее похожей. Она избегала мужчин, ни с кем не флиртовала, пока ей не исполнилось восемнадцать и пока она незаметно для себя не влюбилась.

Влюбилась в Билли Боба Уокера.

Силоу зажмурила глаза, стараясь прогнать всплывший в памяти знакомый образ. Очень похожий на Майкла. Вначале внешнее сходство братьев привлекало ее к Майклу.

У Билли – копна лохматых, чересчур длинных волос, а у Майкла – аккуратная стрижка и волосы гораздо светлее. Лицо у Билли Боба более вытянутое, овальное; большие голубые глаза, красивый нос более правильной формы, чем у Майкла. Там, где у Майкла углы, там, у Билли – сглаженные линии. У Майкла – приземистая фигура, а Билли – высокий и длинноногий.

Как отец взъярился, когда узнал, что она встречается с простым фермером!

– Ты еще ребенок! Он старше тебя на пять лет, и у него нет и не предвидится никакого будущего! И ни гроша за душой! И, кроме того, он... – тут Сэм сам оборвал себя.

– Ну что «он», папа? Что «он»? – с мольбой спросила она. – Он – хороший! Я знаю! Он не сделал мне ничего плохого.

– Не сделал? – спросил Сэм. – Как далеко зашли ваши отношения?

Она покраснела и опустила голову.

– Ну что ты, папа. Я... то есть мы не будем... Я обещаю тебе...

Он облегченно вздохнул и взял ее за подбородок.

– Хорошо. Ты слишком молода. Окончи сначала колледж, не связывай себя ни с кем. А что касается Уокера... – продолжал отец, не щадя чувств дочери, – он тебе не пара. Он как родился на Семи Холмах, так и умрет там же, бедняком, оставив кучу детей.

– Он любит меня, – уверенно сказала Силоу.

– Ничего, найдет другую, более подходящую. Сразу же, как только ты уедешь, – мрачно отрезал Сэм Пеннингтон.

И оказался прав.

К Билли Бобу она не испытывала ненависти. Разве что досаду и неприязнь, когда он становился совершенно невыносимым, как сегодня утром, например. Но изрядно потускневшие воспоминания о проведенном с ним времени вызвали приятное чувство пополам с грустью сожаления.

А вот Майкла она вряд ли станет вспоминать с сожалением. Ее снова пробрала дрожь, и она скорей пошла одеваться.

Несмотря на модный покрой, черное платье, которое она выбрала на сегодняшний вечер, должно было понравиться Сэму и сгладить неприятное впечатление от утреннего наряда.

Силоу повертелась перед зеркалом, распустила волосы и пригладила их щеткой.

На кухне чудесно пахло цыплятами, над которыми колдовала Лора. Запах раздражил аппетит Силоу, она вспомнила, что с утра ничего не ела. На кухонном столе уже стояло блюдо с огромным тортом.

– Я умираю с голода, – сказала Силоу. – А почему торт? Сегодня какой-то праздник?

Лора избегала ее взгляда.

– Хочешь попробовать? – предложила она. – Салат из цветной капусты.

Силоу престала, есть и уставилась на Лору.

– Салат из... Что это, Лора? Зачем так много? Мы не съедим всего!

– У нас будут гости, – многозначительно подняла брови Лора.

– Какие гости? Я-то думала, отец будет снова уговаривать меня. Но не при гостях же? – удивилась Силоу.

– Ты бы лучше вышла их встречать, – сказала Лора, выставя на стол жаркое из духовки, – а то ничего от салата не останется. Судья любит салат, – добавила она и выжидательно посмотрела на девушку.

– Что? Судья?

– Да, судья Сьюэлл сегодня ужинает вместе с нами.

В конце концов, нервы девушки не выдержали, изумление на ее лице сменилось гневом.

– Ну, как так можно? Мы же еще не договорились между собой, а он уже принимает решительные меры. Но сегодня – сегодня у него ничего не получится, Лора.

Экономка посмотрела на девушку, готовую заплакать, и сухо сказала:

– Скажи ему об этом сама – вот тебе мой совет.

С судьей пришла его жена, Лидия. Изыщная и миниатюрная, модно одетая, она стояла рядом со Сьюэллом, высоким, массивным, в скромном темно-синем костюме.

Силоу, глядя на родителей Майкла, пыталась собраться с мыслями и с духом перед трудными испытаниями предстоящего вечера.

Она поймала взгляд отца, оторвавшегося на секунду от беседы с гостями.

– Добрый вечер, судья Сьюэлл, здравствуйте, миссис Сьюэлл, – ровным голосом поприветствовала пришедших она.

И вдруг краем глаза она заметила какое-то движение. У нее перехватило дыхание, когда она догадалась, кто именно поднимается по ступенькам, за секунду до его появления.

– Здравствуй, Силоу.

Он приветствовал ее спокойно, лицо его не выражало никаких эмоций. Он тоже был одет для званого вечера: хорошо сшитый темно-синий костюм, накрахмаленная белая рубашка, полосатый галстук. Что и говорить, красавец.

Ее душила ненависть. Она не могла говорить. Перед ее глазами вновь вставала дикая сцена на ковре, здесь, как раз там, где находится Майкл сейчас.

– Красивое платье. Очень тебе идет, – вежливо похвалил он.

Его голос прозвучал хрипло, и ей на мгновение показалось, что перед ней стоит Билли Боб Уокер, потому что взгляд Майкла горел тем же внутренним огнем.

Она, наконец, смогла вздохнуть. Воздух чуть не разорвал ей легкие.

– Приятно было встретиться. Но, к сожалению, мне пора. Я спешу на свидание.

– Силоу! – изумленно воскликнул Сэм Пеннингтон. – Я же просил тебя быть вечером дома. И ты обещала. Поэтому, Даже если у тебя появились другие планы, – тут он хмыкнул, показывая, что не верит ни единому ее слову, – все равно ты должна остаться.

– Видишь ли, насколько я понимаю, всем здесь присутствующим уже известно, что я расстроила нашу с Майклом помолвку. Таким образом, остаются только две возможности: либо он покинет этот дом, либо – я.

Возглас досады, сорвавшийся с губ Сэма, был немногим громче стона Лидии Сьюэлл.

– Я так и знала, – сказала она.

– Позвольте мне поговорить с ней, сэр, – попросил Майкл. – Она должна выслушать меня. Пусть она объяснит, почему...

– Нет, – отрезала она, испугавшись, что их оставят наедине. – И если ты не отстанешь от меня, я всем расскажу, что произошло.

Он умоляюще улыбнулся.

– Силоу, послушай. Ведь я люблю тебя.

– Дочь, ты будешь слушать его, пока я не разрешу тебе уйти, ясно?

– А ты не разрешишь, пока я не дам согласия выйти за него замуж, не так ли? Никто не может помешать мне уйти, если я того хочу! А я хочу уйти!

Еще вчера она не смогла бы даже вообразить себе, что когда-нибудь будет говорить с отцом подобным тоном. Она повернулась и направилась к выходу. За спиной слышались шаги. Не стоило долго гадать, чьи. Майкл взял Силоу за плечо, и страх, только что развязавший ей язык, окатил ее холодным душем.

Она отчаянно рванулась.

– Не смей прикасаться ко мне!

Глаза Майкла горели голубым огнем, но он молчал, потому что сзади донесся голос Сэма.

– Силоу! Ты никуда не пойдешь. Вы с Майклом должны сесть и обо всем договориться.

Силоу отвернулась и распахнула дверь.

– Черт поberi!.. Да что с тобой, девочка? – воскликнул Сэм. – Дьявол в тебя вселился, что ли? Но даже если это так, я все равно не позволю тебе спокойно гонять на четырехколесном чудовище! Я напущу на тебя Томми! Он приведет тебя обратно, даже если для этого потребуются применить физическую силу;

– Пусть попробует сначала поймать, – крикнула она на ходу, через плечо и умчалась в темноту.

Глава 4

В маленькой церквушке, расположенной совсем рядом с тюрьмой, началась служба. Проповедник говорил громко, длинно и не сказать, чтобы плохо, – Билли Боб уже притерпелся. Он каждый вечер слушал эти проповеди, доносившиеся до него сквозь открытые окна старой церкви и еще более старой городской тюрьмы, неся спасение единственному подопечному – Томми.

Уже одиннадцать дней Билли Боб киснул от безделья. И оставалось еще девятнадцать, если ничего не случится. Если он не разобьет с тоски голову о стенку. Для иных ничего не делать – высший кайф.

Но только не для Билли Боба.

Конечно, он не виноват, что стечение обстоятельств привело его к Роберту Сьюэллу. К его отцу, к судье.

Билли Боб с трудом вынырнул из бездны отчаяния, готовой поглотить его. Нет, он не позволит себе утонуть. Эта трясина засасывает, лишает воли к жизни.

Не надо сваливать вину на другого, это недостойно. Он сам виноват, что очутился здесь. И он не даст судье повода думать, что тот сломал его.

Билли Боб вскочил, так что расстегнутая рубашка широко распахнулась, и прошлепал босыми ногами к окну.

Какой-то бас из церковного хора заглушил всех остальных. Прислонившись лбом к прутьям решетки, Билли сосредоточился на пении, стараясь различить отдельные голоса. Один из них показался ему знакомым.

– Неправда, я ехала с нормальной скоростью! И ни от кого не убегала! Я думала, это ты за мной гонишься, Томми, чтобы вернуть меня домой! Откуда я знала, что он – настоящий коп!

Невероятно. Он решил, что постепенно начинает сходиться с ума и у него уже начинаются галлюцинации. Но тут шум за его спиной усилился, он обернулся, чтобы взглянуть, что происходит в коридоре, и челюсть у него отвисла.

Томми с грехом пополам пытался объяснить с красным от бешенства офицером дорожной полиции, державшим Силоу за руку.

– Вы, я вижу, как будто знакомы с нарушительницей, – говорил офицер. – Прекрасно. Ей скоро понадобится помощь. Я засек ее, когда она ехала со скоростью девяносто восемь миль в час! Это превышает установленную скорость на пятьдесят три мили в час! Повторить?! На пятьдесят три мили в час! – Полицейский уже кричал и размахивал свободной рукой перед носом Томми.

– Боже милостивый, – взмолился Томми. – Силоу, скажи мне, что ты больше не будешь, скажи, пожалуйста!

Но не успела девушка открыть рот, чтобы ответить, как дорожный полицейский добавил:

– К тому же у нее нет прав на вождение автомобиля!

– Я их забыла второпях, неужели не ясно?!

– О да, – усмехнулся патрульный, – вы очень торопились, этому я могу поверить.

– Я забыла их в сумочке, понимаете? Я всегда ношу сумочку с собой, но в этот раз забыла!

– Э-э-э... – замялся Томми. – Понимаете, она... Я могу вам назвать ее имя...

– Мне не интересно, как ее зовут! Она нарушила правила движения, и именно она виновна в аварии!

– Ка-ак?! – вздрогнул Томми.

– Ее выбросило в канаву, и это ее спасло. Но она пыталась скрыться с места происшествия. Я должен был гнаться за ней по хлопковому полю.

Полицейский потер себе лоб.

– Я... Он напугал меня, – пыталась оправдаться Силоу. – Он так мерзко ругался! И бежал за мной, как бешеный пес! А потом прыгнул на меня! Что мне оставалось делать? Только драться, правда ведь? – спросила она Томми, в тоне ее ярость мешалась с просительными нотками.

– Превышение скорости, езда без прав, авария, сопротивление при задержании, – перечислял патрульный. – Хватит на десятерых! Я требую ее немедленного заключения под стражу!

– Силоу, как ты могла? – укоризненно покачал головой Томми.

– Я поссорилась с Сэмом, – она всхлипнула. – Он... пригрозил, что пошлет тебя в погоню. А потом этот человек...

– Какой, к дьяволу, Сэм? – спросил полицейский. – Ее опекун? У нее, наверное, есть опекун, потому что она явно не в себе.

– Ее отец, – мрачно буркнул Томми. – Сэм Пеннингтон.

Патрульный остолбенел.

– Сэм Пен... – не смог договорить слово, потому что закашлялся.

Он тут же поспешил отпустить девушку.

– Мне дела нет, что у ее отца в кармане три округа, – немного оправившись от удивления, продолжил офицер намного тише. – Такое, знаете ли, недопустимо ни для кого... Э-э-э... это будет стоить ему кучу денег. Да! И пусть радуется, что его дочь жива. Если б вы видели, что стало с ее машиной...

Все трое замолчали, поглядывая друг на друга. Стало вдруг заметно, насколько полицейский молод. Томми тяжело вздохнул.

– Вы, конечно, правы, – сказал он офицеру. – Она за все заплатит. Составляйте протокол. По всей строгости. И пусть отправляется за решетку, – добавил он и снял с пояса большую связку ключей.

– Не имеете права. – Силоу вспыхнула, ее подбородок задрожал. – За что меня сажать?

– Ты ударила представителя закона при исполнении служебных обязанностей.

– Я... я не настаиваю, – поспешно вмешался полицейский. – Знаете, действительно, это, наверное, можно понять... Зачем же сразу в тюрьму? Молодая, красивая девушка... Я лучше выпишу штраф побольше, лишу ее прав...

– В следующий раз будет знать, как гонять сломя голову! – сурово сказал Томми. – А ты не дрейфь, сынок. Я все беру на себя. Это я запер ее. Я – и больше никто, понял?

– Но... – начала Силоу.

– Никаких «но», – еще суровее оборвал ее Томми. – Для твоей же пользы. Я не хочу, чтобы ты разбилась. Так что я заключаю тебя под стражу. До утра. Конечно, у тебя есть законное право на телефонный звонок. Иди звони. Звони-звони! Расскажи отцу, что ты натворила.

Силоу долго молчала. Потом отрицательно покачала головой.

– Я так и думал, – кивнул Томми. – Ты сбежала из дома, так? Посмотри на себя – ты вся дрожишь. Куда тебе вести машину в таком состоянии?

Затем шериф выбрал из связки один из ключей и открыл камеру, расположенную рядом с камерой Билли Боба.

– Заходи. Я сам позвоню Лоре. Чтобы просто успокоить ее, что ты жива. А она уж как-нибудь успокоит Сэма.

Силоу направилась по коридору к распахнутой двери и заметила Билли Боба, который все это время тихо стоял в тени, у окна, сложив руки на груди. Девушка вздрогнула от неожиданности, но тут же взяла себя в руки и прохромала в камеру, припадая на правую ногу, потому что одна туфелька лишилась каблука.

Томми угрюмо захлопнул за ней решетчатую дверь, но в последний момент передумал и не стал закрывать ее на ключ.

– Никуда она не денется, – объяснил он патрульному полицейскому. – Ты думаешь, она тебя боится? Она Сэма Пеннингтона боится, понял?

Силоу присела на краешек узкой тюремной койки и стала нервно терзать одеяло. Она опустила голову и старалась не смотреть ни на Томми, ни на Билли Боба.

Томми как будто только сейчас вспомнил о существовании другого арестанта; он поднял связку ключей и погрозил ею Билли Бобу.

– Смотри, Билли Боб! Не приставай к ней!

Томми в сопровождении молодого офицера полиции вошел в помещение для охраны и закрыл за собой дверь.

Они остались вдвоем, и никто из них не решался первым нарушить тишину.

Прошло уже четыре года с тех пор, как они последний раз были вот так вот, наедине. Да, не зря он попал в тюрьму. Радость постепенно росла в нем.

Силоу была одета в черное, плотно облегающее ее тонкую фигурку платье, слегка испачканное и немного порванное снизу. Ее волосы растрепались, нежную щеку пересекала царапина.

Впервые за четыре года он видел ее такой... беззащитной... растерянной.

Он оттолкнулся от стены и сделал шаг. Она услышала шорох и вскинула голову.

– Ну что, милая моя, и ты здесь, да? От сумы да от тюрьмы не зарекайся...

– Если ты произнесешь еще хоть слово...

– То что? Папу позовешь? Непохоже, что ты в ладах с ним, дорогая.

– Я тебе не «дорогая».

Билли Боб подошел вплотную к решетке, разделявшей их, и тихо спросил:

– Значит, ты разбила машину просто потому, что любишь быстро ездить?

– А ты жалеешь, что я не разбилась, да? – спросила она с вызовом, не отводя от него взгляда. – Не беспокойся, я куплю себе новую машину.

– Нисколько не сомневаюсь. Но мне интересно, куда ты так торопилась?

– Тебя это совершенно не касается, – сказала Силоу, сбросив туфли и забираясь с ногами на койку. – Если ты хочешь играть в вопросы-ответы, то теперь моя очередь. За что тебя посадили?

– Ни за что.

Она насмешливо фыркнула.

– Я не вру. Получил две недели тюрьмы и три тысячи долларов штрафа за участие в драке. А судье не понравилась моя манера отвечать на вопросы. Поэтому он вкатил мне еще две недели или штраф пятьсот долларов за неуважение к суду, а так как денег у меня нет... – Билли огляделся вокруг и развел руками, – придется просидеть здесь целый месяц.

– Вот это да! Чем ты так разгневал судью? Порвал ему мантию?

– Я сказал, что мне не нравится его фамилия, – спокойно ответил Билли Боб. – Кстати, ты скоро будешь носить ту же фамилию... Сьюэлл.

Она не смогла сдержать дрожь и, чтобы скрыть замешательство, стала оглядываться вокруг.

– Подвальчик не ахти.

– Я знавал и похуже, – ровным голосом ответил он. Силоу невольно улыбнулась, на левой щеке появилась крохотная ямочка.

– Например, «У дяди Джона», да?

Она тут же спохватилась и недовольно сжала губы, досадуя на себя, что первой напомнила ему то старое доброе время, когда они были вместе.

Билли Боб удивленно вскинул голову и тоже вспомнил тот день, который старался навсегда вычеркнуть из памяти. Злость вспыхнула в нем. И минуты не прошло, как они оказались рядом, а она уже вторгается в его душу.

– Ну а что было потом, помнишь? – довольно резко спросил он. – Как мы подъехали к Семи Холмам? Помнишь, как было тихо? А сердце у тебя билось...

Силоу сжалась, втянула голову в плечи и заткнула уши ладонями, а он, довольный ее реакцией, продолжал, повысив голос:

– Сердце билось, как у испуганного кролика.

– Не надо, Билли.

– А-а-а! То же самое ты сказала в ту ночь, помнишь? Наверное, только это и помнишь. – Но он знал – воспоминания, которые он пробудил, как живые, теснились перед ними нестройной толпой.

Он тогда сумел оторваться от нее, наперекор их обоюдному стремлению и властным велениям инстинкта.

Кроме того, она сказала «не надо», и он сумел сдержаться.

Но она первой бросилась к нему, целуя его лицо и губы, а руками шаря по его рубашке. Он помнил, как трудно было дышать, как его душили страсть и страх. Как он в последний момент понял, что, несмотря на неистовое желание, она была напугана до смерти.

Ему самому пришлось сказать «нет», крепко обхватить ее, успокоить, уговорить подождать: ведь ей всего восемнадцать лет. Что лишний раз доказывает, как сам он был наивен в свои двадцать три. Эта девчонка через две недели бросила его.

У Силоу воспоминания о той ночи были еще живее. У нее в ушах до сих пор стояли сердитые слова, которые она бросила в лицо Билли Бобу перед тем, как выпрыгнуть из его грузовика.

Может, действительно, она сама не знает, чего хочет, и в ней сидит бес противоречия, как сказал Майкл? И она сердилась на Билли Боба только за то, что он сказал «нет»?

Она легла на кровать и отвернулась к стенке. Усталость навалилась на нее. Сколько ей пришлось пережить за сегодняшний день! У нее совсем расстроились нервы, вот почему события четырехлетней давности так встревожили ее.

Билли Боб смотрел на хрупкую, съежившуюся на тюремной койке девушку и ругал себя за несдержанность.

Кто его тянул за язык? Давно пора обо всем забыть, а не воскрешать в памяти ночь, когда она пришла к нему.

Дверь в служебное помещение отворилась, и вошел Томми. Один, без полицейского, неловкий и смущенный. Билли смотрел на шерифа, готовый в любую минуту сорваться. Не надо забирать Силоу! Им еще столько надо сказать друг другу! – Вы меня отпускаете? – спросила Силоу с надеждой.

– Увы, – сказал шериф с сожалением. – Просто я подумал, что, может быть, тебе надо... э-э-э... руки помыть, например, или еще что...

Он слегка покраснел. И она тоже, когда поняла, на что он намекает.

– Пойдем, я отведу тебя куда надо. А ты, Билли Боб, будь добр, сделай свои дела до того, как девочка вернется. У тебя будет достаточно времени, мне нужно еще кое-что сказать ей наедине.

– Ла-а-адно, – лениво протянул Билли Боб. – Так и быть, руки я быстро помою.

Он едва сдерживал радость, рвущуюся наружу: она вернется!

– Шутник ты, парень, – сказал Томми без тени улыбки и тут же словно забыл о его существовании. – Силоу, как ты могла? Только что звонил Рэнди; он говорит, что машина не подлежит ремонту. Разбита вдребезги.

– Я не хотела, Томми, – сказала Силоу. – Я испугалась до смерти. Зачем он повис у меня на хвосте? Если бы он...

Захлопнувшаяся дверь не позволила Билли узнать подробности погони.

Он выполнил распоряжение Томми и лег на кровать, с нетерпением ожидая возвращения Силоу. А пока было время, он размышлял.

Она стала совсем другая. До сих пор ему казалось, что она стала еще более замкнутой, непроницаемой, недоступной – особенно на людях. Восемнадцатилетняя Силоу была застенчивой, редко сердилась, но часто краснела. И какая она была ласковая, Господи! Билли Боб перевернулся на спину. Да, ласку забыть труднее всего. Теперь она стала колючей. Научилась не доверять, скрывать свои чувства. Сменила джинсы и шорты на вечерние платья, обрезала длинные волосы, раньше достававшие ей до талии.

Когда через пятнадцать минут Томми вел свою пленницу назад в камеру, он кудачтал над ней, как курица над яйцом, но уже по другому поводу.

– ... без ужина? Как ты могла? Сколько уже ты не ела?

– Не помню, – равнодушно отвечала Силоу, садясь на койку со вздохом облегчения. – Я устала. Не хочу есть.

Томми терпеливо вздохнул.

– Я принесу тебе кока-колы. И еще, по-моему, у меня где-то осталось миндальное пирожное.

– Ненавижу миндальные пирожные! Но съем, – поторопилась добавить она, прежде чем Томми успел сказать что-нибудь еще.

Он принес ей нехитрое угощение и пронаблюдал, чтобы Силоу все съела. После чего он удовлетворенно кивнул и ушел, а Билли Боб и Силоу долго сидели в молчании. Было тихо. Мимо окон проехала машина, на секунду осветив фарами стену. Где-то далеко приглушенно зазвонил телефон, наверное, в здании тюрьмы. В конце концов Силоу не выдержала и поставила пустую бутылку на пол.

– Интересно, сколько сейчас времени? – спросила она и вздрогнула от неожиданно громкого ответа:

– Думаю, скоро полночь.

– Уже? Спать хочется.

Силоу нервничала. Его молчание и неподвижность угнетали ее. А он как будто не замечал этого.

– Вот не думала, идя на работу, что вечером окажусь в тюрьме, – сказала она, когда тишина стала непереносимой.

– А где ты работаешь? – спросил Билли Боб, как будто сам этого не знал.

– В Довере, в филиале банка.

– Мне казалось, – осторожно спросил он, снова касаясь их общего прошлого, – что ты хотела стать учительницей. Или я ошибаюсь?

– А, – махнула она рукой. – Детские мечты.

– Значит, – безразлично сказал он, – ты послушалась папочку?

Силоу ничего не ответила, но он знал, что чувствительно задел ее. Когда она заговорила снова, тон у нее был сердитым:

– На себя посмотри. Ты, по-моему, собирался учиться на ветеринара. А сам?

– Ну что ж поделаешь, не смог.

– Скажи: не захотел, – произнесла она устало: ей тоже не хотелось начинать все сначала. – Если б ты захотел... Из тебя вышел бы хороший ветеринар. Помнишь, как все лето ты нянчился с жеребенком? Ты его не продал?

– Нет.

– Работаешь на ферме? Сажаешь деревья?

– Бросил. Слишком много неприятностей от такой работы. Снова повисла напряженная тишина.

– Знаешь, Билли Боб, я, пожалуй, посплю, а?..

– Ты вела себя очень глупо. Убегала от полицейского, дралась с ним. Говоришь, ты думала, что Сэм мог преследовать тебя? Зачем преследовать такую послушную дочь?

– Я не обязана давать тебе отчет! – одернула его Силоу.

– Знаю. Это давным-давно растолковал мне твой отец, – кивнул Билли Боб с холодным спокойствием.

– Пожалуйста, не начинай снова. Мы обо всем этом говорили четыре года назад. Почему бы нам...

– Четыре года назад говорили вы! Ты и Сэм Пеннингтон! А я молчал! – взорвался Билли Боб.

Он вскочил и сунул руки в карманы. Его волосы блестели даже в полутьме. Сэму не нравились его волосы, успела подумать Силоу.

– Я приходил к тебе. Все время на одно и то же место. А ты ждала. Хорошее было место, укромное, у магнолии. Никто нас не видел. А жаль.

Билли Боб шагнул к ней, не вынимая рук из карманов.

– Надо было мне сразу идти к твоему отцу, как только впервые увидел тебя тогда, на крыльце. Надо было подойти к нему и сказать: «Я пришел сюда к вам, Сэм Пеннингтон, за вашей дочерью!»

– Это бы, конечно, не помогло, – потрясла головой Силоу.

– Это бы обязательно помогло, – поправил ее Билли. – Помогло бы избежать дальнейших ошибок. Помогло бы сберечь кучу нервов и времени. Я был бы остановлен в самом начале ложного пути, – закончил он с горечью.

– Ты меня в чем-то обвиняешь? – вскочив, запальчиво крикнула она. – Ты сам во всем виноват. Ты первый начал! Ты сам меня отверг! Помнишь, тем вечером, после «У дяди Джона»? Кто тогда первый сказал «нет»?

– А кто уехал через две недели в Мехико?

– Как будто ты не знаешь почему!

– Знаю, – ответил Билли Боб, опустив голову.

В ту ночь он пришел на условленное место. Силоу, как всегда, пришла раньше. Но на этот раз не одна, а с отцом. Эта неожиданность выбила Билли Боба из колеи. Но и сбросила с плеч огромную тяжесть.

– Я люблю ее, – сразу сказал он, едва увидел Сэма Пеннингтона.

Силоу вцепилась в него обеими руками. Молодые люди стояли перед Сэмом и ждали его слова. На одно мгновение у Билли мелькнула надежда, что все будет хорошо. Но только на одно короткое мгновение.

– Ты ее любишь. Прекрасно. А знаешь, сколько ей лет?

– Восемнадцать.

– А тебе – двадцать три. И как вы собираетесь строить свои отношения дальше?

Билли знал, как отвечать, он считал себя честным человеком.

– Мы поженимся, – с достоинством ответил он и обнял невесту за талию, не обратив внимания на легкий возглас удивления, вырвавшийся у Силоу.

Сэм кивнул головой, а потом внезапно рассмеялся.

– Недурно, – сквозь смех произнес он, – недурно, молодой человек. Без роду, без племени, без денег, без связей... Недурно придумано, мистер Уокер.

До них не сразу дошел ужасный смысл сказанного. Но когда они осознали, то одновременно запротестовали.

– Папа, ты что?! Билли не такой...

– Я люблю ее! – повторил Билли Боб и еще крепче прижал к себе Силоу, как бы желая убедиться, что его избранница принадлежит ему, а не этому человеку с холодным пронизывающим взглядом.

– Тогда у меня остается надежда, что вы сами оставите мою дочь в покое, молодой человек, – сказал Сэм Пеннингтон и отвернулся, как будто ему было тяжело смотреть на молодую пару. – Вы не сможете содержать жену. Ее ждет учеба в колледже, она не может обойтись без дорогих нарядов. А кто заплатит за автомобиль, который на днях придет для нее?

– Папа, мне ничего не надо, – повернулась к отцу Силоу.

– Ну конечно, не надо. Может быть. Сейчас. А потом? Когда станешь старше? Ты возненавидишь его, когда поймешь, чего ты лишилась. Конечно, ты еще дитя и не понимаешь всего. А вот он!.. Он все рассчитал.

– Не волнуйтесь, все будет хорошо, – упрямо тряхнул головой Билли Боб.

– Что значит «хорошо»? Где вы будете жить? На ферме? И, наконец, подумайте, в какую семью вы хотите взять мою дочь? Ваш позор ляжет и на нее!

Мир вокруг Билли Боба как будто взорвался. О Сэме ходили разные слухи. Говорили, что он не остановится ни перед чем ради достижения поставленной цели, не пожалеет ни себя, ни свою собственную дочь, что у него нет ни чести, ни совести, но все-таки такой подлости Билли не ожидал.

– Билли? – дернулась Силоу. – О чем он...

– Твой жених – незаконнорожденный! – перебил ее Сэм. – Не знала? Как так? Разве он тебе не сказал, что у него нет отца?

– Отец есть у каждого человека, – с трудом произнес побледневший Билли Боб. – И нам с вами великолепно известно, кто мой родитель, черт вас возьми! – Он отпустил удивленную Силоу и сказал ей: – Да, у меня нет законного отца, а у этого человека нет сердца. Он поступил подло.

– Мне все равно, есть у тебя отец или нет, но не надо обижать моего отца, он хочет мне добра.

– Твой отец хочет разлучить нас!

– Силоу, – вмешался Пеннингтон, – послушай меня. Я вижу, что ты к нему неравнодушна. И прошу только одного: повремени. Давай сначала съездим с тобой в Мехико. Во время поездки все обсудим. Не завтра же ты хочешь выйти за него замуж, верно? Мне надо... хотя бы привыкнуть немного. Это так неожиданно.

Он говорил, медленно приближаясь к дочери, расставив в стороны руки, как будто собираясь обнять ее. Горячая мольба слышалась в его голосе.

– Нет! – в панике выкрикнул Билли. – Если ты с ним поедешь, мы никогда больше не увидимся! Выбирай, Силоу. Или он – или я!

Его охватил испуг. Внезапно он представил себя со стороны: в старой полинялой рубашке, в потертых джинсах; что, действительно, мог он предложить девушке из богатой семьи и что мог противопоставить подаркам и обещаниям ее отца?

– Я могу только сказать, что люблю тебя, – тихо произнес Сэм. – И я не прошу тебя оставить его. Мне просто нужно время. – Слезы стояли у него в глазах; это поразило Силоу.

– Папа? – изумленно прошептала она и неуверенно потянулась рукой к его щеке.

Билли Боб повернулся и пошел прочь.

Силоу крикнула что-то ему вдогонку и побежала вслед. Она догнала его только у крыльца. До сих пор эта сцена стоит у него перед глазами: как она стоит, в глубоком вырезе белой футболки чуть виднеется грудь.

– Я люблю тебя, Билли!

– Что толку? Отца ты тоже любишь, но, по его мнению, для меня нет места в твоей жизни. А ты слушаешь его.

– Он любит меня. Я для него – все. С тех пор, как ушла мама. Я все объясню ему. Подождем немного. У нас еще...

– У нас больше ничего нет. Разве ты его не слышала? Он считает, я недостаточно хорош для тебя и никогда не буду хорош. Ладно, найдутся другие. И папаши их лезть не в свои дела не будут.

– Другие? Так вот ты каков – Билли Уокер!

– Детка, а я что, по-твоему, делаю? Все! Ты ведь выбрала папочку?

И он пошел дальше с гордо поднятой головой. Она больше не пыталась его остановить. Билли Боб еще раз глянул на нее украдкой, когда проезжал мимо крыльца на грузовике. Лицо у нее было почти такое же, как и сейчас, в камере городской тюрьмы, искаженное гневом и болью.

Но за прошедшие годы она научилась лучше скрывать свои чувства.

– В ту ночь мы оба погорячились, – медленно, спотыкаясь на каждом слого, произнесла она. – Неудачно вышло, мне очень жаль, – тихо добавила она.

– А мне нет, – безразлично ответил Билли Боб. – Все равно бы у нас ничего не вышло. Потому что ты очень легко забыла меня.

– Я тебе звонила! – возразила она, как будто это имело какое-то значение. – В Акапулько я... чуть с ума не сошла. Но я не дозвонилась. Ты уехал.

– Да, я нанялся на все лето на железную дорогу. Потому что ты не вернулась.

– Да... не вернулась. Не смогла, – она опустила голову. – Мне надо было в колледж...

– Ты приезжала потом зимой, – напомнил он. – Но к тебе было не подступиться.

– А я тебя видела еще раньше. Кажется, я приезжала на День Благодарения... Но ты... – она говорила так тихо, что Билли Боб вынужден, был напрягать слух, – с тобой уже было невозможно...

– Ах да! Потому что Майкл Сьюэлл возник на горизонте! И затмил всех своим блеском! – резко сказал он.

Она ничего не ответила, только молча посмотрела на него. Он повернулся к ней спиной и пошел на свое место.

– Будь ты проклята, Силоу, – сказал он безжизненным голосом и снова лег на койку, отвернувшись лицом к стенке.

Ему было больно и трудно снова переживать давно прошедшие обиду и отчаяние.

Она молча лежала на своей койке.

Когда Томми пришел проводить их, то подумал, что они уже заснули. И выключил свет.

Билли Боб смотрел на потолок, на решетчатую лунную тень, но видел девушку, лежавшую в двенадцати футах от него. Он ненавидел ее. Ему стало холодно, и он заворочался под тонким казенным одеялом.

– Я видела тебя с другой, – неожиданно сказала Силоу. – Я приехала на День Благодарения. Ты вышел из машины около суда и... поцеловал ее. А она повисла на тебе...

Билли медленно поднялся и сел на узкой койке.

– И поэтому ты переменялась ко мне?

– Нет. Нет! Просто оказалось, что Сэм прав. Нам не судьба быть вместе.

Молчание было невыносимо. Все равно сделанного не воротишь. Все равно ничего не изменишь. Поздно. Он ненавидит ее. Особенно при воспоминании о том, что скоро ее свадьба с Майклом! С его собственным братом! Хотя это, конечно, неважно! Они достойны друг друга.

Билли Боб поднялся с койки. Она спала на спине. Луна освещала ее лицо.

– Бедный Майкл. Я ему не завидую, – сказал Билли Боб, сам, не веря в свои слова.

Она разбудила его на рассвете. Он услышал крик: «Майкл!» Сначала это взбесило его, но потом он уловил страх в ее голосе и подошел к решетке. Было еще темно.

– Нет! Не надо! – металась она во сне.

– Силоу! Проснись! – крикнул он.

Она взглянула на него и в испуге вскрикнула.

– Силоу, не бойся, тебе приснился плохой сон!

– Билли? – с трудом произнесла она, постепенно приходя в себя и удивленно оглядываясь по сторонам. – А я думала, что это...

– Знаю, – оборвал он ее.

– Прости, пожалуйста, – сказала она.

– За что? – безразлично поинтересовался он. – Впрочем, это все равно. Не извиняйся. Постарайся снова заснуть. Еще рано.

Но она вскочила с кровати, как будто боялась снова уснуть и вернуться в мучительный кошмар, и подошла к разделяющей их решетке.

Он оставался на месте, глядел на ее ноги в шелковых чулках без туфель и тихо насвистывал.

– Билли, помоги мне, – сказала она и заплакала.

– Что случилось? – встрепнулся он и одним прыжком очутился возле разделяющей их решетки.

Они, наверное, могли бы коснуться друг друга, он чувствовал тепло ее тела и запах косметики. Да, раньше она не пользовалась духами. Еще одна перемена. Это совсем не та скромница, которую он любил когда-то, но это все равно. Она просит о помощи! Как он может отказать?

– Билли, – прошептала она и протянула к нему руку. Он почувствовал прикосновение, вздрогнул, но не отдернул свою руку.

– Мне плохо, Билли. Я не хочу замуж за Майкла. Я отказала ему, и Сэм об этом знает.

Сердце Билли чуть не выпрыгнуло из груди. Он не поверил своим ушам и переспросил:

– Ты не хочешь замуж за Майкла?!

– Да. Не хочу.

– Ты убегала от него?

– Да, от него и от Сэма. Я боюсь, что однажды утром вдруг проснусь женой Майкла. Сэм может такое устроить. Он мастер на всякие штучки.

– Что тебе сказал Майкл?

– Ничего!

– Неправда, я видел, как ты испугалась, когда спросонья приняла меня за Майкла.

– Тебе показалось.

Билли глубоко вздохнул.

– Брось Майкла! Ты уже бросала меня, значит, можешь и его. У тебя есть опыт.

– Но я не хочу огорчать отца. У него в жизни и так было много огорчений...

– Да, конечно, бедняга. Чего и ждать, когда женишься на женщине на двадцать лет моложе. Тут он не первый и не последний. И вот он тиранит тебя, потому что жена плевала на него, раня его гордость, изменяя с каждым встречным. Твоя мать давно умерла. Умерла. Ты платишь по счетам родителей! Билли Боб, не замечая этого, сжал ее запястья так же, как совсем недавно дорожный полицейский. Ей было больно.

– Я все понимаю, – поморщилась она. – Думаешь, легко на это решиться?

– Легче легкого! Просто скажи «нет». Уезжай в Мехико! Застрели обоих! Что угодно, Силоу. Выбор большой.

Она стояли друг против друга и молчали.

– Как ты похож на Майкла! – сказала она, наконец. Билли Боб даже отшатнулся.

– Нет. Неправда. Это Майкл похож на меня!

– Я не хотела тебя обидеть, Билли, – смущенно сказала она. – Не подумала, что мои слова могут быть тебе неприятны. Мы так давно не виделись. И вот мы снова вместе, а я говорю тебе совсем не то, что думаю.

– Да и я тоже.

– Иногда. Если ты имеешь в виду Анджи Блейк.

– А с другими?

– Изредка.

– Билли, почему ты так изменился? Ты ведь раньше не был таким?

– Был. Просто сдерживался.

– Ты подрался из-за девушки? Билли Боб не ответил.

– Так я и думала, – сказала Силоу ровным голосом.

– Тебе до этого дела нет. Я, по крайней мере, не ношу обручального кольца человека, которого не люблю. Ладно, что об этом говорить, спи давай, еще рано.

– Я не могу, – сказала она через несколько минут. – Боюсь, опять что-нибудь приснится. Тут слишком тихо. И пустынно. Одиноко.

С его губ готово было сорваться грубое слово, чтобы заставить ее замолчать, но она говорила таким искренним тоном, что напомнила ему о той наивной девчонке, с которой он был знаком четыре года назад. У него защемило сердце.

Повинуясь внезапному порыву, Билли Боб встал с койки и подвинул ее вплотную к решетке. Силоу следила за ним с удивлением.

– Ну, как? – спросил он. – Теперь тебе менее одиноко? Она быстро соскочила со своей койки и тоже пододвинула ее к решетке. Теперь их разделяло расстояние не больше двух футов. Билли Боб протянул руку и положил ладонь около ее щеки. Силоу накрыла его ладонь своей.

Они больше не разговаривали. Она вскоре заснула, а он долго рассматривал ее в неярком свете начинавшегося дня, пока сон не сморил его.

Утром их так и застал Томми.

– Господи! Билли Боб! Что ты себе позволяешь?!

Глава 5

Билли Боб осторожно высвободил руку и передвинул свою койку на место. Шум разбудил ее.

– Что случилось? – шурясь, спросила она, поднимая голову.

– Это я у тебя должен спросить, что случилось, – возмутился Томми, глядя на лениво зевавшего Билли Боба.

– Что, отец приехал? – встревожилась Силоу.

– Нет, – ответил Томми, еле сдерживая негодование. – Но, знаешь, я, пожалуй, вызову его. Пусть полюбуется, что ты сотворила с машиной. Да, пойду, пожалуй, позвоню.

– Ну, давай, звони, – тихо сказала Силоу, хотя ее сердце замерло от ужаса при мысли о том, что скажет Сэм. – Звони. Звони, если хочешь.

– Ты же должна как-то вернуться домой, правда? – примирительно сказал Томми, как бы оправдываясь, и добавил, стоя уже в дверях: – Ты как? Как ты себя чувствуешь, Силоу? Ты не очень расстроилась?

– Все нормально, Томми, – ответила Силоу, слегка улыбнувшись. – Не побьет же он меня, в самом деле.

– Как знать, – вставил Билли Боб, но тут же запнулся под суровым взглядом шерифа.

– Ладно, пойдем вместе, – сказал Томми, подойдя к камере Силоу и открывая ей дверь. – Чего тебе здесь сидеть?

Девушка заколебалась. Ей хотелось еще поговорить с Билли Бобом, узнать, что он думает по поводу ее признаний прошедшей ночью. Не совершила ли она ошибку, рассказав ему про Майкла?

Она вопросительно посмотрела на Билли Боба. Он сразу все понял.

– Не бойтесь, мисс, – усмехнувшись, сказал он, застегивая пуговицы рубашки. – Ваши тайны умрут со мною вместе.

– Как он себя вел? – подозрительно спросил Томми у племянницы.

– Нет-нет, все было нормально, – поспешила успокоить его Силоу.

– Ну, тогда пойдем, – заторопился Томми. – Позвоним Сэму.

Сэм Пеннингтон примчался в тюрьму через полчаса после звонка. Для всех он выглядел как обычно, но внимательным глазам дочери некоторые детали говорили больше, чем другим: он, например, забыл надеть жемчужную булавку для галстука, чего с ним за последние годы ни разу не случилось.

– Итак, Сэм... – начал Томми, но Сэм не был расположен к длинным речам.

– Она может идти? Есть какие-нибудь основания для ее ареста?

– Нет никаких оснований. Вот квитанция на штраф, – Томми протянул листок бумаги Сэму, но Силоу перехватила квитанцию.

– Это мое дело, – сказала она. – Я сама заплачу.

– Еще как заплатишь! – сквозь зубы проговорил Сэм. – И новую машину сама будешь покупать. Тогда, я думаю, станешь ездить аккуратнее.

Она не ответила.

– Я решил, – напряженно сказал Томми, – что ей не повредит провести ночь в заключении.

– Ты хочешь сказать, что я убил бы ее, если бы ты вчера привез ее домой? – уточнил Сэм. – Очень даже может быть. Но теперь будь спокоен, она останется жива. Вчера вечером Лора передала мне, что с ней все в порядке. В моем распоряжении была целая ночь, чтобы успокоиться.

Они с Силоу сели в «Кадиллак» и поехали. Но не в сторону дома, а по дороге, ведущей в мастерскую по ремонту автомобилей. Она сразу догадалась, зачем и не выразила никакого удивления. Но не смогла скрыть сожаления, когда увидела обломки своего любимого «Порше».

Хозяин мастерской, Рэнди Тейт, вышел им навстречу.

– Да, вы ее совсем расколотили, мисс Пеннингтон. Легче будет купить новую машину, чем починить эту. Но, конечно, если хотите, я могу взяться за ремонт, хотя это будет стоить...

– Не надо, – прервал его Сэм. – Я куплю ей машину с ограничением скорости. Шестьдесят миль в час – и не милей больше! – Он повернулся к дочери. – Все? Полюбовалась? Пойдем? – Она, ни слова не говоря, вернулась в «Кадиллак». Так они и доехали до дома в полном молчании.

– Я приму душ, а потом на работу, – торопливо сказала Силоу, едва они подошли к двери.

– Нет, – отрезал Сэм. – Нам надо поговорить. К тому же тебе нужен доктор. Мало ли, какие травмы ты получила. И, наконец, на какой машине ты поедешь на работу? Тебе придется подождать, пока пригонят новую. Так что сядь, Силоу.

Он открыл дверь своего кабинета и указал на одно из кресел.

Из чувства противоречия она не стала садиться, а встала у окна. На больший протест сил не хватало.

Некоторое время оба устало молчали. Он заговорил первым:

– Ты чуть не разбилась!

– Так ведь не разбилась же.

– Зато попала в тюрьму! Господи, моя дочь – в тюрьме! Этого еще не хватало! Что с тобой произошло, Силоу? Двадцать два года, а ведешь себя как подросток!

– Я просто сказала «нет», – возразила она. – А ты к этому, очевидно, не привык.

– Я не дам тебе разрушить собственное будущее! Майкл – блестящая партия!

– Для кого? – устало покачала головой Силоу. – Сэм, судье нужны твои деньги, вот и все.

– Какой я тебе «Сэм»? Или я тебе уже не «папа»? – возмутился он. – А про судью я все знаю. Ему нужны деньги, а мне – его связи в высших кругах общества. Мы нужны друг другу.

– А обо мне ты подумал? – крикнула Силоу. Разубеждать в чем-нибудь отца – это все равно, что биться головой о стену, но у нее нет другого выхода.

– Что это?! – с ужасом воскликнул Сэм, указывая на красные следы на ее запястьях.

– Это? Ничего особенного. Полицейский слегка перестарался.

– Как его фамилия? – гневно спросил Сэм.

– А если я тебе скажу, что ты сделаешь? Уволишь его?

– Если мужчина посмел поднять руку на женщину...

– Он не поднимал руку на женщину. Он просто выполнял свой долг: задерживал нарушителя. А вот Майкл сделал мне такое, что, боюсь, ты не поверишь.

Сэм вдруг замер. Яркое утреннее солнце безжалостно осветило его лицо. Силоу видела глубокие морщины у глаз и вокруг рта, седину в волосах. Ему было шестьдесят два года, и он не выглядел моложе. Но она подавила жалость.

– Майкл хотел изнасиловать меня, – выпалила она одним духом и отвернулась к окну.

– Он просто потерял терпение и хотел чуть ускорить то, что полагалось ему по праву.

Силоу побледнела.

– Так ты знал? – задохнулась она. – Знал и ничего не сделал?!

– А как ты думала? Да, он не стал скрывать, а смело признался, хотя это далось ему нелегко. На следующий же день...

– Он не терпение потерял, а человеческий облик! Он набросился на меня как животное! На щеках Сэма проступил неяркий румянец.

– Ну, Силоу... Ты его довела, но он все-таки отпустил тебя, так?

– Нет, я дала ему сдачи!

– Ты хочешь сказать, что он, здоровый мужчина, не смог справиться с тобой?

– Не веришь мне?

– Верю. Но... думаю, что ты местами несколько преувеличиваешь.

Чаша ее терпения переполнилась.

– Все! – сказала она. – Я ухожу от него. И от тебя, Сэм Пеннингтон.

Он вдруг подмигнул. Да, она не ошиблась – подмигнул! Она испугалась за него, но дальше вроде бы ничего не произошло.

– Успокойся, – произнес он. – Возьми себя в руки, ты ведь уже взрослая. Все твои разговоры не изменят того, что он сделал.

– Я ухожу от вас обоих!

– Не дури, Силоу! – рассвирепел Сэм. – Он не оставит тебя. А если оставит, то я сам за тебя возьмусь! Я немедленно блокирую твой счет в банке. Без денег, без машины далеко не уедешь!

Она невидящим взглядом обвела комнату.

– Ты и Кэролайн так пытался удержать? – спросила она, не помня себя от бешенства.

Он глубоко вздохнул. Боль и горечь исказили его черты.

– Как ты можешь?

– Я твоя дочь. Эта история касается и меня. Ты не смог удержать ее, хотя много раз приводил обратно. Ты любил ее! Ты тосковал по ней! Я слышала, как ты плакал, когда она уходила. Я ее ненавидела! Мне, было, тогда пять лет, и я дала себе слово, что никогда не буду огорчать тебя!

– Тогда выйди замуж за Майкла. Сдержи свое слово, Силоу! Майкла ожидает блестящее будущее. Весь мир будет у твоих ног. Я не дам тебе стать такой же, как...

Он оборвал себя.

– Как кто? – подхватила она. – Как моя мать, да? Как Кэролайн? Я похожа на нее?

Сэм Пеннингтон опустил голову. Его голос прозвучал невнятно и хрипло:

– Очень надеюсь, что ты не похожа... на шлюху.

Слово ударило ее сильнее пощечины. Силоу давно ожидала его, и все-таки оно прозвучало неожиданно. Она постояла немного, глядя на отца, как будто хотела запомнить его получше перед долгой разлукой, потом повернулась и направилась к двери.

– Силоу!

Она остановилась в дверях, но не обернулась.

– Подумай хорошенько, Силоу. Я поведу тебя под венец любой ценой, даже если для этого потребуется связать тебя. У тебя будет другая жизнь, неважно... кем... была Кэролайн, неважно, какой я... клянусь тебе!

Силоу заперлась в своей тихой, затененной комнате и принялась зализывать раны. Почему Сэм так резко отзывается о ее матери? Как он может любить дочь, если ненавидит ту, которая родила ее?

Но, главное, она попала в ловушку. Ей некуда деться. Ее обложили со всех сторон.

Что же ей делать? Бежать некуда – это точно. Да и не хочет она бежать. Суитуотер – это ее родина. Здесь ее корни, куда она от них денется? На чужбине ей не будет счастья. Правда, на ее пути стоит Сэм. Ну что же, она возьмет себя в руки, станет хитрей и будет бороться.

Она должна найти способ избавиться от Майкла, нейтрализовать отца, отвоевать свободу.

Силоу долго размышляла, неподвижно сидя на кровати, глядя в окно на алый диск солнца, заходившего за Пайн Ридж, лес, тянущийся от Суитуотера на северо-запад.

И с последними лучами солнца, когда оно уже почти скрылось за деревьями, в голову ей пришла счастливая идея. Она тут же спрыгнула с кровати и кинулась к телефону звонить Рэнди Тейту, хозяйину мастерской по ремонту автомобилей.

В Суитуотере раз в неделю, по пятницам, выходила местная газета. В полдень ее доставляли в тюрьму. Там она долго ходила по рукам, прежде чем достигнуть последнего в очереди, если тому посчастливится. Так что Билли Боб получал прессу с большим опозданием, но, тем не менее, прочитывал ее от корки до корки, ибо это была все-таки хоть какая-то ниточка, связывавшая его с внешним миром.

Он читал газету от первой до последней строчки – все равно делать было нечего – и как раз собирался начать изучение некрологов, как дверь в служебное помещение вдруг отворилась, и к нему вошел Томми в сопровождении Силоу.

Газета выпала у него из рук, он открыл рот и почесал макушку.

– Вот это да! Опять?! Что, она успела разбить еще одну машину? – спросил он Томми.

Шериф нахмурился.

– Нет, просто хочет говорить с тобой, и, клянусь Богом, это мне не по душе!

– Я просто хочу поблагодарить его за доброе отношение ко мне, – сказала Силоу.

Сегодня, одетая в строгий красный костюм, она была похожа на преуспевающую деловую женщину.

– Ну, давай, благодари, – хмуро кивнул Томми.

– Мне бы хотелось сделать это наедине, – значительно проговорила Силоу.

– Что скажет Сэм, когда узнает; что ты...

– Он не узнает, если ты ему не доложишь, – прервала его Силоу.

– Ладно. – Томми помялся, потом махнул рукой. – Чем он может навредить тебе, сидя за решеткой?

Билли Боб и Силоу промолчали. Когда шериф ушел, Билли Боб поднялся с койки. Силоу как-то успела позабыть, что он такой высокий.

– Я сказала Томми...

– Я слышал, что ты сказала Томми. Но он уже ушел, так что можешь не врать. Но если ты опять начнешь разговоры про... про своего жениха...

Он взялся руками за прутья.

Силоу растерялась. На что она рассчитывала? Она уже почти жалела, что пришла. В этот раз на нем была футболка и джинсы в обтяжку. Все мускулы – на показ. Дикая, неукротимая сила так и перла из него. Хотя, может быть, такое впечатление возникало по контрасту с Майклом, казавшимся воспитанным и прилизанным.

– Чтобы съездить на работу, я сегодня взяла машину Сэма, – с трудом начала она говорить, все еще не решившись окончательно. – Прав меня все-таки не лишили. Вот я и приехала только вечером. По пятницам банк работает до шести...

«Хватит мямлить, – подбодрила она себя. – Решайся!»

– Дорогая, я рад тебя видеть не только по пятницам, – с юмором сказал Билли Боб. – В тюрьме я могу принимать гостей в любой день недели.

– Это не просто визит, – с натугой выдавила из себя Силоу, щеки ее порозовели.

– Интересно... Что же означает твое появление? – воскликнул Билли заинтересованно.

Вместо ответа она раскрыла сумочку из крокодиловой кожи и вынула оттуда запечатанный конверт.

– Это еще что? Неужто письмо? А я уж подумал, ты принесла мне пирог собственного изготовления с запеченным в нем напильником, – усмехнулся он.

– Может, ты перестанешь паясничать и посмотришь, что там? – рассердилась она.

Билли Боб взял конверт, ленивым движением распечатал и стал вытряхивать его содержимое на подставленную ладонь.

– Ого! – выдохнул он, потому что из конверта посыпались стодолларовые банкноты.

– Можешь пересчитать, если хочешь, – сказала она быстро, – а можешь поверить на слово: тут три с половиной тысячи.

– Для чего это? – Он никак не мог опомниться.

– Этого хватит? – спросила она встревожено. – Ты говорил, тебе нужно три с половиной тысячи, чтобы сразу выйти отсюда, правильно?

Билли нахмурился, затолкал зеленые бумажки обратно в конверт и протянул его обратно.

– Я милостыню не принимаю, – раздраженно сказал он. – Мне твои деньги не нужны.

– Это не милостыня. Это плата за услугу.

– За какую? Убить надо кого-нибудь? Уж не твоего ли старика?

– Нет. Я хочу, чтобы ты продал... – Силоу лихорадочно соображала. Нет, это не то слово. Так не пойдет. А как надо? – Я хочу купить...

– Если ты про моего коня, то... – Он был совершенно сбит с толку.

– Я хочу купить тебя! – одним духом выпалила Силоу. Он так посмотрел на нее, что она стала пунцовой. Да, опять не то слово. Наверное, она избрала самый неудачный подход из всех возможных.

– Совсем ненадолго, понимаешь? Всего на несколько месяцев. А потом мы можем спокойно развестись. От тебя вообще ничего не потребуется! Только фамилия. Все дело в фамилии, понимаешь?

Решительным жестом Билли Боб прервал ее словоизвержение.

– Ты хочешь, чтобы я... же-нил-ся на те-бе? – спросил он, повышая голос на каждом слове.

– Э-э-э... как бы тебе сказать. Не то, чтобы хочу... Я хочу... то есть мне нужно, чтобы ты женился на мне. Я хочу, чтобы ты продал... продал мне свою фамилию... – Она, наоборот, говорила все тише и тише.

Внезапно он стал бледнее бумаги.

– А зачем? – прохрипел он. – Зачем тебе муж? Так срочно? Невольно Билли Боб опустил глаза и посмотрел ей на живот.

Когда она поняла значение этого взгляда, то сверкнула глазами и даже топнула ногой.

– Я не беременна!

– Да? Тогда не вижу разумной причины.

– Я же тебе объясняла! Я не хочу выходить замуж за Майкла. Но ты плохо знаешь Сэма. Он не уступит. Но если... – она опустила голову, – если ты согласишься, то выйдет, по-моему: я фактически не буду замужем... А Сэм тоже получит то, что хотел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.